
Денис СОРОКОТЯГИН

СИНДРОМ ШИШИГИНА

Повесть-сценарий

Дорогим старикам, моим и всем...

0. После

Шишига (в славянской мифологии) — кикимора, нечистая сила.

Время здесь течет медленно, по капле, как вода из прохудившегося крана. Сколько себя помню, так было всегда. Порой кажется, что оно и вовсе впало в летаргический сон.

Когда вечером 9 мая тебя увезли из дома в больницу, никто из нас не мог предположить, что ты больше не вернешься. Ты твердо сказала нам: «Ничего не трогайте тут без меня, ясно?»

Тебя нет с нами уже год. Можешь быть уверена, мы ни к чему не притронулись. Пыль на антресолях — лучшее тому подтверждение. Квартира стоит глухо запертой, и в этом своем одиночестве она вся под стать тебе, такая же неприступная и гордая. Она позволяет нам находиться здесь не больше получаса, а потом прогоняет за порог. Начинают скулить трубы в ванной, падают книги с полок, театрально хлопают двери и форточки. Тогда мы понимаем, что нам здесь больше не место, наш временной лимит исчерпан. Своими резкими движениями и перемещениями мы потревожили ее вечный сон, твой сон.

Я до сих пор не могу свыкнуться с тем, что тебя нет. Мне кажется, что ты вот-вот вырвешься из цепких лап Морфея, и мы снова поговорим. Мы ведь так мало говорили друг с другом.

1. Холодные ножницы

- Шура, ты?
- Да...

По скорости вращения дверного замка Клава всегда безошибочно определяет, кто к ней приходит. Медленно, излишне плавно, с небольшим рывком в конце — дочь Маргарита вернулась из очередной командировки. Резко и дергано — внук Саша, лю-

Денис Андреевич Сорокотягин родился в 1993 году в Екатеринбурге. Окончил Екатеринбургский государственный театральный институт. Лауреат международных конкурсов вокалистов, чтецов. Автор учебных пособий для ДМШ и ДШИ. Режиссер, художественный руководитель «DAS-театра». Актер Театра музыки и поэзии Елены Камбуровой. Публиковался в журналах «Знамя», «Сибирские огни». Живет в Москве.

бимый Шура, навестил бабушку, принес продукты. Стоп, никаких бабушек. Она просто Клава. Шура с самого детства называл ее только так и никак иначе. Еще связка ключей есть у подруги и ровесницы Клавы, Владлены Семеновны, живущей в соседнем подъезде. Но Владлена Семеновна никогда этой привилегией не пользуется, всегда звонит, прежде чем прийти.

— Клава, дышать нечем! — Шура небрежно ставит пакеты на свободную половину кухонного стола, другую половину заняли ордена.

— Ты бежал, что ли? Запыхался как.

— У тебя лифт сломался. Двенадцатый этаж. Тоже мне!

Шура полез открывать запотевшее окно. Пожелтевший березовый лист с черными прожилками прилип к стеклу. Не кухня, а филиал бани. Шура выключил горящие вхолостую конфорки газовой плиты.

— Оставь, я мерзну, — сказала Клава, чуть поевшись, не отрываясь от раскладки орденов на отрезе зеленого сукна. Орденов было много. Яркие, блестящие, за успешную многолетнюю трудовую деятельность. Муж Клавы, дед Шуры, обладатель этих наград, работал в Министерстве внутренних дел. Почти дослужился до генерала, если бы не инфаркт. Ехал с работы, остановил «Волгу» посреди дороги и умер.

— Сене всегда везло. И в смерти тоже. Быстрая смерть — самая лучшая, — говорила Клава, картинно взбивая рукой гнездо рыжих волос.

— Мама, давай не будем об этом. И ты туда же, — устало говорила ей дочь Маргарита. Марго занималась вопросами смерти и ее отсрочки, курировала продажи лекарств для онкобольных, отвечала за бизнес ее компании в других странах, поэтому вечно была в разъездах.

— Молоко взял? — спросила Клава Шуру.

— Нет, ты не сказала...

— Как это не сказала? — возмутилась она. Орден выскользнул у нее из рук и полетел напрямик под стол.

— Подними.

Шура покорно поднял орден, отдал его Клаве. Та протерла его тряпочкой и вернула на место.

— Я тебе говорила. Это просто у тебя голова дырявая.

— Хорошо, хорошо! — спорить с Клавой было бесполезно.

Шура расставлял продукты в забитый до отказа холодильник.

— Вот же молоко! — сказал он, почти ликуя.

— Оно старое... Вот сам и пей, — ответила безучастно Клава.

Шура посмотрел срок годности. Молоко было свежее, купленное вчера, видимо, самой Клавой. Он выкрутил крышку и выпил прямо из горлышка, оставив примерно одну треть. Стало легче. Из окна потянуло предвечерней прохладой.

— В следующий раз не забудь, — сказала она менторским тоном.

— В следующий раз пиши список, — ответил с улыбкой Шура.

Он только сейчас как следует рассмотрел ее. За эту неделю в ней произошла какая-то неуловимая перемена.

Клава была в зеленом пиджаке времен своей молодости с высокими плечами. Шура зацепился взглядом за рисунок на пиджаке. «Гусиные лапки» — вроде бы так он называется. Где же он видел этот пиджак? Да, вспомнил. На старой фотографии в альбоме. Шуре четыре года, Клава держит внука на руках, смотрит на него с гордостью, а Шура, скосив свои карие глаза, глядит в камеру, на вылетающую оттуда птичку.

«Таким ведь и останешься, дурила. Кому будешь нужен такой», — Шура припомнил слова, которые Клава говорила ему, приближая его милую мордашку к своему лицу, тогда еще млажавому.

Он сел на стул напротив Клавы, рассматривая ее тонкие, как у балерины, пальцы в кольцах с крупными минеральными камнями. Движения пальцев были отчетливы, до мелочей выверены, действовали на Шуру гипнотически. Ордена задевали кольца, звук от этого был по-домашнему умиротворяющим и в то же время каким-то пронзительным.

— Ты зачем их опять раскладываешь? — поинтересовался Шура.

Клава продолжила заниматься орденами мужа, будто не услышала вопроса.

— Ты надолго? — спросила Клава и впервые за вечер посмотрела Шуру в глаза.

— Сейчас... Сейчас пойду... — подбирал слова Шура. — Ты мне не рада?

Повисла напряженная пауза.

— До чего ты себя довел? — она покачала головой и прерывисто выдохнула.

— А что не так? — удивился Шура.

— Прическа... Зачем ты отрастил эти патлы?

Второй раз за день к Шуру пристают по поводу его стрижки, вернее, ее отсутствия. Сегодня был первый день в школе, общий сбор, планы на учебный год, выдача учебников, запугивание предстоящим в конце года ОГЭ. Классная руководительница даже сначала не узнала Шуру, подумала, что это парень из параллели. И не потому, что он вытянулся за лето. Увидев его отросшие за месяцы летних каникул волосы, она достала из ящика розовую резинку, наверное, забытую кем-то еще в прошлой жизни, и попросила передать Шуру на заднюю парту. Одноклассники прыснули от смеха.

— Чтобы завтра пришел подстриженный, — и как ни в чем не бывало продолжила классный час.

— Ребята, вам предстоит ответственный и во многом решающий год в вашей жизни и судьбе...

— Ну, чего ты молчишь? — спросила Клава, и Шура вышел из оцепенения. Она уже складывала ордена в холщовый мешочек. И для чего, спрашивается, их нужно было доставать и понапрасну тревожить?

— Неси ножницы. Я тебя подстригу.

— Клава, отстань. Я сам разберусь.

— Шура, не зли лучше меня. Сам же видишь, челка в глаза лезет.

Клава всю жизнь отработала модельером-конструктором на фабрике «Одежда». Когда фабрику закрыли из-за банкротства, Клава подучилась на курсах и устроилась в парикмахерскую «Весна», что на Теплом Стане. И на фабрике, и в «Весне» в ее руках были ножницы, с которыми она лихо управлялась, поэтому проблем с новой профессией у Клавы не было. Она быстро стала любимым мастером, особенно у местных управленцев. Ограниченные во времени начальники любили Клаву за оперативность и врожденный шарм.

— Да где же они? — раздавался из комнаты рассерженный Шурин баритон.

— Смотри внимательно, — кричала Клава из кухни. Сама в это время поставила табуретку, достала из шкафа белую накрахмаленную простынь, чтобы волосы не падали на одежду. Парикмахерские работы вполне можно было проводить и в комнате, но там на полу ковер и освещение ни к черту.

— Ты там умер, что ли? — Клава зашла в комнату, где Шура уже отодвинул диван от стены и, вооружившись фонариком, шарил по запыленным углам просторной и, к счастью, единственной комнаты в элитной сталинке.

До смерти мужа Клава жила в соседнем подъезде в большой трехкомнатной квартире. Продав ее, справили жилье и Маргарите. Клава же переехала в соседний подъезд, где проживает и сейчас.

— Ты спятил, что ли? Что ножницам делать за диваном? — усмехнулась Клава. Звонкий, девчачий смешок разозлил Шуру еще больше. В комнате ножниц не было, в коридоре тоже, оставалось проверить на кухне.

— Других-то у тебя нет? — взревел в бешенстве Шура.

— Ты чего орешь? У себя дома ори! Тоже мне, — Клавдия поправила пиджак и эстетски убрала соринку с рукава. — Другие есть, но все тупые. Тупые, слышишь, пустая голова? — повторила Клава.

Шура, пыхтя, как лошадь, отправился на кухню, осмотрел все ящики, ножниц нигде не было. Открыл холодильник, достал молоко. Холодное действовало на него успокаивающе, остужало разгорячившееся нутро. И почему он так нервничает? Но вдруг между коробкой с яйцами и контейнером с колбасой Шура увидел — ножницы. Он встряхнул своей вихрастой головой, подумав, что ему показалось. Но нет, зажатые со всех сторон провизией, они лежали на полочке. Капельки конденсата поблескивали на лезвиях.

— Нашел? — спросила Клава, возвращаясь на кухню. Шура, услышав ее шаркающие шаги, быстро обтер ножницы о край футболки. Холод металла обжигал ладонь.

— Ну и где они были? — радуясь, всплеснула руками Клава.

— В ящике.

— В каком ящике?

— Неважно. Давай быстрее. Мне к репетитору еще сегодня.

— Ну, садись. Сам же провозился с этими чертовыми ножницами.

Клава посадила его на табурет, сняла кольца и аккуратно положила их на стол. Потом провела пятерней по густым черным волосам Шуры. Клава неспешно опускала руки в копну, как в воду, и медленно пропускала пряди между пальцев, зажимая их в кулаках и резко дергая вверх.

— Ты чего? Больно, — не выдержал Шура.

— Это массаж, Шура. Массаж головы, — ворковала Клава. — Волосы чернее ночи. В кого же ты такой, а?

Шуру совсем не интересовало, в кого у него такая смоляная грива. Отца своего он никогда не видел. Знал, что у него семья в другом городе и другая семья в другом городе, на этом его познания об отце исчерпывались.

— Клава, давай быстрее! Я тороплюсь.

— Хорошо, хорошо... Нравится мне, когда ты сердисься... Держи голову прямо.

Жаль, что на стене нет зеркала. Клава резала пряди одну за другой, те падали черной лиственной на линолеум.

В детстве Шура не любил стричься. Когда трогали его голову, он сразу начинал плакать. Клава всегда стригла его сама, ровняла милую мальчишескую челку. Он брыкался и заливался слезами, норовил спрятаться. Клава вкладывала ему в руки припасенную на этот случай игрушку — калейдоскоп. Шура смотрел в маленькую дырочку, крутил детскую забаву в ручонках и уносился в мир неповторимых разноцветных узоров, забывая о ненавистной пытке ножницами. Клава за это время успевала подстричь внука, ей хватало десяти минут. Теперь калейдоскоп пылился где-то в коробке на антресоли, а в руках у повзрослевшего пятнадцатилетнего Шуры — айфон. Сидит себе молчком, хоть пожар, хоть потоп. Шуре даже нравится, что его стрижет Клава. И потом, есть в этом и меркантильный расчет: не нужно платить за стрижку в парикмахерской.

За окном забарабанил мелкий, как будто понарошку, дождь.

Клава стригла Шуру, что-то напевая себе под нос. Потом поднесла срезанную прядь к лицу, вдохнула ее пряный запах и выронила ножницы. Шура чудом успел их поймать в пяти сантиметрах от экрана телефона.

— Ты чего? — резко развернулся он к Клаве. — Тебе плохо?

Клава стояла перед ним с отсутствующим взглядом, лицо озаряла улыбка.

— У меня, кажется, коронка выпала. Надо к Крокодилу идти на прием. Я должна успеть.

Клава направилась из кухни в коридор. Шура с простыней на плечах, с недостриженной головой пустился следом за ней.

— Ты куда?

— К Крокодилову, говорю тебе, пустая голова, коронка выпала, — Клава никак не могла попасть ложечкой в непокорные туфли.

— Зонт возьми, там дождь, — неуверенно сказал Шура себе под нос, но Клава все расслышала.

— А где он? Где зонт? Где зонт, я тебя спрашиваю! — Клава кричала, крутясь в разные стороны, не фокусируя взгляд на предметах, выворачивая карманы пальто.

— Я сейчас... Сейчас найду, — Шура посмотрел в комнате, в ванной, в кухне, заглянул даже в холодильник, зонта нигде не было.

Что-то громко хлопнуло. Шура вернулся в коридор. Входная дверь была настежь открыта. В квартиру ворвались промозглый ветер и запах подъездной сырости. Шура слышал стук каблуков и голос, такой родной и знакомый, но теперь, помноженный эхом, он стал чужим и даже страшным:

— Собаки, не могут лифт починить. Черт бы вас подрал, чтоб вас шишига съела. И как это я должна с двенадцатого этажа... в семьдесят с ли...

Шура закрыл дверь, вернулся на ватных ногах в комнату, и у него снова перехватило дух. У окна стояла девушка в сиреновом платье. Она будто бы только вернулась с танцплощадки или какого-то праздника.

— Шурка мой, мой дорогой, — пульсировал в висках знакомый мотив давно забытой песни.

— Клава?

Он включил свет. Люстра с одной горящей лампочкой тускло осветила портной манекен с платьем. Шура подошел к нему и осторожно положил руки на узкую атласную талию.

2. Диалог первый

— Ты кто?

— Ну, привет, Клава. Вот наконец мы и встретились.

— Я тебя спрашиваю, кто ты? Как ты в квартиру мою попала? Ночь на дворе, дверь закрыта.

— Я через окно, Клабочка. Как птичка в открытую форточку, шмыг, и у тебя, золотая моя душа.

— Как птичка, тоже мне... Слишком большая ты для птички. Ты смерть, что ли?

— Ну ты скажешь... Смерть. С ума, что ли, сошла? Какая я тебе смерть?

— Если смерть, рано нарисовалась. Я еще на тот свет не собираюсь.

— Вот и правильно, Клабочка. Не время еще, не время.

— Я спать хочу. Нормальные люди по ночам спят.

— Нормальные? Как это скучно и старо.

— Что тебе от меня надо?

— Платье мне твое нравится, вот что.

— Какое еще платье?

— На манекене которое. Ты для кого его шьешь?

— Не твое дело.

— Размер-то не твой. Не влезешь ведь.

— Знаю, что не мой.

- А я бы влезла. И красивой бы стала.
- Это тебе не поможет. Страшная ты какая-то. Хорошо, что ночь на дворе, не вижу тебя толком. И голос у тебя какой-то писклявый.
- Какая уж есть. Я разная могу быть. Сегодня такая, завтра другая. Ну что, Клавочка, с платьем? Примерю?
- Оно не дошито, на булавках. Положи быстро на место.
- Я аккуратненько. Аккуратненько я. Ну как я тебе? Чего молчишь? Язык проглотила от потрясения? Ну, хоть словечко вымолви, Клавочка, золотая моя душа.
- Ты... Кто?
- Я — это ты. Ты — это я. Помнишь такую песню? Мурат Насыров пел. Царствие ему небесное.
- Отче наш, иже еси на...
- Клава, это бесполезно. Мертвому припарки эти твои молитвы. Это уже давно не действует. Ну как я тебе? Хороша?
- Хороша... Ну-ка покрутись.
- Шурка мой дорогой, Шурка мой, мой, мой... Ля-ля-ля...
- Сзади надо подправить, выточку переделать.
- Да и так хорошо, Клавочка. Очаровательно, очаровательно! А он не оценил, не сказал ничего.
- Кто он?
- Кто-кто? Шурка, кто... Шурик-шуршурик. Ты же для него платье шила. По лоскуточкам тканюшки собирала. Из армии встретить своего родненького хотела наряженская, да, Клавочка, да?
- Да.
- Ты чего плакать надумала? Зачем, золотая моя душа? Ну-ка спрячь слезки, спрячь... Такая большая, большая-пребольшая и плачешь? Ну же, ну!
- Убирайся отсюда, чего тебе от меня надо? Когда же этот сон кончится?
- Это не сон. Я — роднулечка тебе, кровиночка твоя, подруженька до последних дней твоих. До конца с тобой буду, не отпущу, но и в обиду не дам тебя. Ну вот-вот, все твои слезки соленые собрала. Щечки мягкие такие у тебя. Каким кремом пользуешься?
- Подсолнечным маслом мажу каждое утро.
- Да ты что? Не знала, не знала. Вот и я теперь буду так же, как и ты, маслицем. Авось краше да лучше стану.
- Ты мне скажешь наконец, кто ты?
- Да я ж уже все выложила, Клавочка. Можно сказать, всю душу наизнанку вывернула. Мы все не о том с тобой, не о том... Сейчас платье сниму, главное скажу. Я — это ты, ты — это я. Ну все, привязалась песня.
- Положи платье на стол...
- Хорошо, хорошо. Ты его, Клава, не правь, оно и так прекрасно. Я потом у тебя возьму, как все закончится? Хорошо?
- Что закончится?
- Клавочка, слушай, мешок с орденами где у тебя?
- Чего?
- Ордена мужа где прячешь?
- А... да-к ты мошенница. Нашла старушку, чтоб ее обобрать. Молодец, молодец. Я сейчас полицию вызову, слышишь?
- Вызывай. Я шмыг в окно — и нет меня. А с тебя за ложный вызов деньги возьмут. Или еще хуже, подумают, что ты сумасшедшая, ха-ха, что у тебя мания преследования. Этого хочешь?

- Нет... зачем тебе ордена?
- Принеси мешок, все расскажу. Я — это ты, ты — это я. Да что ты будешь делать. Песня приставучая какая.
- Вот они... Я их в коробке под кроватью храню.
- Узелок туго завязала. Сразу видно, мужа не любила ты своего, Клавочка. Всю обиду и боль в узелке этом чувствую, не проведешь меня.
- Муж умер. И любовь умерла, нет ее.
- Любовь не умирает. Значит, и не было ее вовсе. Пустошь вместо нее была, значит.
- Не твое дело.
- Мое, мое. Я ведь знаю, что ты хочешь все вернуть. И я все вернуть хочу. Мы ведь одно целое с тобой. Ты вот завтра возьми все эти ордена и свари, поняла?
- Что ты несешь?
- Кастрюльку на огонек поставь, Клавочка, до кипения доведи. Ордена, как пель-мешки, в кастрюльку брось и вари-вари-вари. Вся боль и обида уйдет, как пар улетит и не вернется уже никогда. Ты, главное, воду не сливай из кастрюли в раковину, а в баночку ее вылей и дай настояться чуток. А потом этот настой выпей — и все.
- Умру, что ли?
- Нет. Наоборот. Оживешь. В нужное тебе время попадешь. В то время, в котором платьишко твое тебе впору было. И Шурка рядом. Шишигин твой. И мой. И мой тоже.
- Просто отварить, настоять и выпить?
- Да, да, все так просто. И никакой машины времени не потребуется.
- А ордена куда потом?
- А ордена закопай. Но только не в городе. Подальше где-нибудь. Закопай там, куда ты больше не вернешься. Пусть покоятся с миром.
- У меня возле дачи речка есть. Вот туда опущу их. Пусть на дне лежат.
- А почему бы и нет, Клавочка. Подружкам моим речным забава будет. Они цапки, побрякушки всякие любят. Со вкусом беда у них, беда. Несладко им там на дне, в иле сидят денно и ночью. Простим им безвкусицу, Клавочка, так ведь, золотая моя душа?
- Да. Сколько настаивать в банке?
- Как мутность уйдет, на дно осядет, тогда уж и пить можно.
- Мутность уйдет... Мутность.
- Ну все, а теперь давай байньки. Много времени у тебя и так забрала. Спи, мое золотце, спи, моя Клавочка. А я шмыг в окошко — и нет меня. Форточку прикрыть? Не продует тебя? Береги себя. И меня. Я — это ты, ты — это я. И никого не надо нам... Что же ты будешь делать-то, что за песня-то такая, никак из головы не уходит...

3. Владлена и Шакира

- Фух... Лифт не работает, дверь настезь открыта... Есть кто? Совсем уже того, и дверь не закрыла... Кто-нибудь дома? Маргоша? Саша? Вы здесь? Шакира, ты чего разлаялась, хватит уже, прекращай, кому говорю? — Владлена Семеновна привязала к перилам померанского шпица, названного именем известной певицы, и осторожно заглянула в квартиру подруги, на пороге сняла промокшие мокасины, там же поставила мокрый зонтик.
- Есть кто? Фу-ты, Сашка, напугал.
- Владлена Семеновна от испуга обхватила седую курчавую голову. Вид Шуры в простыне с выстриженными клоками волос обескуражил ее.
- Да что это с вами сегодня? Клавка не узнала меня, пронеслась мимо, толкнула даже. Вот, в плечо. Оно у меня больное. А она пихнула и вслед мне бросила: «Извините

меня, пожалуйста». Я ей кричу в спину: «Клавка, ты куда?», а она: «Простите!» — и скрылась. Не узнала она будто меня, Сашка.

Шура так и остался стоять в простыне, через открытую дверь в комнату поглядывая боковым зрением на манекен. Не мог примириться с реальностью, все происходящее казалось ему сном, который вот-вот должен закончиться.

— Ты меня слышишь? — Владлена Семеновна подошла к нему ближе, и Шура услышал приторный запах ее духов. Это «Красная Москва». У Клавы на антресолях тоже стоял флакончик. Как только открываешь шкаф, аромат заполняет все пространство комнаты.

— Шура, куда она понеслась?

— К Крокодилу на прием. У нее коронка выпала. Так сказала. Стригла меня, не закончила, побежала к нему, — ответил Шура, глядя в одну точку перед собой. От аромата «Красной Москвы» его начало мутить.

Владлена Семеновна кружила вокруг него. Шура оставался неподвижен, как статуя.

— Что ты говоришь? — недоумевала Владлена Семеновна, все время поправляя ключи на шее. Они висели на тонкой бечевке.

В это время в подъезде залаяла Шакира. Владлена Семеновна ринулась к ней. За время ее отсутствия Шура наконец освободился от простыни, еще раз взглянул на себя в зеркало. Намочил волосы в ванной и зачесал их на один бок, чтобы не смотрелось так убого. Нужно идти в парикмахерскую.

Владлена Семеновна вернулась уже с собачкой. Та сразу же побежала к Шуру и стала прыгать на его ноги, фыркать от удовольствия, проситься на ручки.

— Шакирочка, хватит, угомонись, девочка. Она такая любвеобильная, на все живое прыгает.

Шура взял Шакиру на руки. Та стала перебирать своими лапками, оставляя грязные следы на его футболке. Шуру это не волновало, казалось, что он потерял всякую чувствительность и эмоциональность.

— К какому Крокодилу она рванула? — все удивлялась Владлена Семеновна. — Крокодилов уже давно в Митино.

— Может, она туда поехала? — спросил Шура, а сам смотрел в черные глаза-пуговицы шпица. Собака на руках присмирела и теперь норовила облизать Шуриный нос. Он сопротивлялся, отстранял ее от себя, потом отпустил на пол. Шакира побежала осматривать квартиру.

— Крокодилов уже лет шесть как на митинском кладбище лежит. Хороший был мужик, первоклассный врач. Всегда доброе слово скажет, прежде чем за железки и сверла браться. От рака сгорел, хотя сам доктор.

Помню, как-то опоздала к нему на прием часа на два, перепутала время. Пришла, села у кабинета, уж и не надеялась, что примет. А он меня в коридоре увидел, расprostер свои большие руки, улыбнулся так широко — ну точно крокодил, сказал мне ласково: «Я вас заждался, Владлена Семеновна» — и на дверь указал, мол, милости просим. А я боюсь зубных, страх боюсь, а он так ласково со мной, и не страшно совсем было. Все, которые сейчас принимают, ему в подметки не годятся.

Владлена Семеновна все говорила и говорила. Шура думал о своем. Раз Крокодилов умер шесть лет назад, куда побежала Клава? Неужели есть какой-то другой Крокодилов? Может, сын его? Может, однофамилец? Ему бы надо сейчас не слушать Владлену Семеновну, а скорее бежать за своей бабушкой, чей рассудок последние полгода тревожит его. Такое ощущение, что только Шуру он и волнует. Его мать Марго в вечных разъездах и командировках. Он неоднократно говорил ей, что бабушка ведет себя странно, что у нее появились проблемы с памятью.

Клава могла разговаривать с Шурой по телефону, спрашивать, как у него дела, что нового в школе, и через десять минут снова повторять те же самые вопросы в том же порядке. Да, возраст нешуточный. Но нужно принимать какие-то меры. Шура очень переживал...

Марго сразу закрывала разговоры на эту тему, она знала, что процесс распада разума необратим и движется по нарастающей. Мозг ее матери будет сдавать свои позиции, и Клава может превратиться в растение. Тогда она наймет ей сиделку. Может быть, Владлена Семеновна согласится? Она в рассудке и помладше. Еще Марго волновало другое: раз у ее мамы синдром, не исключено, что то же самое ждет и ее, и она в группе риска. Есть вероятность, что процесс начнется раньше, чем у матери, при ее бешеном ритме жизни и постоянных стрессах. А может быть, он уже начался и медленно подтачивает, как вода камень, ее мозг. Ну, нет, нет, нет.

Марго была вне зоны доступа уже третий день. Шура звонил ей, но она не перезванивала. Он видел, что мама была в сети. Значит, жива, здорова, просто много дел, не до него ей сейчас и не до Клавы.

Владлена Семеновна разыскала шпица на кухне, взяла его в охапку, вернулась к Шуру. Тот уже надевал обувь и куртку.

Владлена Семеновна, уходя, сказала ему:

— Я как домой приду, пасьянс на Клаву разложу. Тогда все пойму, карты никогда не врут. Я смерть Крокодилова сразу увидела. Он все боролся, за жизнь хватался, химию делал, а я уже все заранее знала. Карта вышла нехорошая. Погадаю на Клаву. Ты позвони ей, может, мы зря беспокоимся, а она в магазине или еще где.

— Нет, у нас все есть дома, — ответил Шура. — И телефона у нее с собой нет, не хочет пользоваться.

— Зря, зря. Я вот освоила. А где он у меня? — Владлена Семеновна хлопала себя по карманам брюк. — Где же он?

Она выпустила Шакиру в подъезд, та с громким лаем понеслась вниз. Вот кому ни-почем сломанный лифт.

— Видимо, дома забыла, а может, потеряла где-то. Хорошо, что у меня дешевый, не жалко. Это не ваши эплы-мэплы, — Шура подал Владлене Семеновне с пола зонт. И его могла забыть, хорошо, что увидел.

Владлена Семеновна не спеша спускалась с лестницы. А Шура бежал, его занесло на повороте, и он случайно задел Владлену Семеновну.

— Ай, — схватилась она за плечо.

— Извините меня, пожалуйста, простите, — неслось уже откуда-то снизу.

— Надо не забыть намазать дома мазью, — Владлена растирала худое плечо. — Шакира, девочка, сейчас мамочка спустится к тебе. Не лай, не лай!

4. Диалог второй

— Я за тобой не поспеваю. Остановись, загнала меня совсем.

— Это ты... Опять ты пришла?

— Как договаривались, забыла, что ли?

— Ни о чем мы с тобой не договаривались. Что ты придумываешь?

— Ну, забыла и забыла. Ничего, мне не привыкать.

— Ты куда так размалевалась?

— А как же? Вдруг его встречу, надо быть во всеоружии.

— Кого его?

— Своего единственного, свою половинку. Где-то ведь она бродит, затерялась без меня.

— Ты о ком это?

— Сама знаешь о ком. Сама ее ищешь. Зачем спрашиваешь, только дразнишь.

— Не знаю, о чем это ты говоришь.

— Бежать-то зачем так? К единственному, нежному бегу по полю снежному. Помнишь песнюшку такую. Люба Успенская пела. Поет то есть.

— Хватит песни свои мне на ухо петь. Ты чего мне в спину дышишь, дыхание у тебя неприятное.

— Это я чеснок ела вчера, грешна, грешна. Ну, больно свеколки захотелось с чесночком.

— Я думала, такие, как ты, от чеснока за версту бегут.

— Что ты? Что ты? Это все в книжках да в сказках. Был бы у меня огородик, весь бы чесночком засадила. Ну остановись же ты наконец.

— Чего тебе надо?

— Шоколада.

— У меня нет шоколада.

— Да и не надо. Я сладкое не ем теперь. Как я в платье твое влезу, если шоколад лопать начну. Мне экскурсия нужна.

— Какая еще экскурсия? Это тебе в бюро надо туристическое. Ты приезжая, что ли?

— Понаехавшая я. Вот только откуда приехала, уж не помню. Ну, так как насчет экскурсии по святым местам?

— Я в Бога не верю.

— Да ты что? А чего тогда молитву читала, как меня увидела. Как увидела, так уверовала?

— Просто вырвалось как-то...

— Как-то не бывает. Значит, где-то в глубине души веришь все-таки, Клавочка. Давай показывай места своей юности.

— Я сейчас закричу. Скажу, что ты украсть у меня что-то хочешь. И тебя схватят, поняла?

— Что ж я у тебя красть-то буду? Ни телефона, ни кошелька. Как же ты так из дома-то вышла неподготовленная. Я думала, ты меня по дружбе кофе угостишь, ан вон нет, зря лишь надеялась.

— Кофе?

— В кофейне, вон там! На углу которая. Это ведь там раньше военная часть находилась.

— Откуда знаешь?

— Я все знаю, Клавочка. Мы сейчас как раз там и окажемся. Как же я сразу не поняла, что ты туда торопишься. К единственному, нежному бегу... Тьфу, опять заело. Ты тогда так же бежала, так же неслась к Шишигину своему?

— Закрой рот.

— Ой-ой-ой... В корабле нашей дружбы наметилась брешь... Осторожнее, Клавочка, уйдем на дно вместе, и ты, и я... Я — это ты, ты — это я... Только я пловчиха подготовленная, дыхание задерживаю на глубине, а вот ты — в налитую водой куколку превратишься, и рыбки в твой рот заплывать будут, как в пещерный грот. Так что больше не груби мне, поняла? А то худо будет! Я тебе и так простила, что ордена до сих пор не выварены. Поделилась с тобой рецептом, все без толку. Не ценишь ты моих стараний, Клавочка. Разочаровываешь меня все больше, золотая моя душа.

— Хватит языком чесать. Я поняла, я все поняла. Вот кофейня, а вот здесь вход в военную часть был.

— Клавочка, а можешь рассказать мне, как ты их тогда увидела? Страшно хочу об этом узнать с подробностями.

— Кого увидела?

— Ну, их. Парочку. Шерочку с машерочкой. Гуся с гагарочкой. Шишигина с этой его девицей-разлучницей.

— Что... ты...

— Клава, что с тобой. Ну, посиди, посиди. Дыши глубже, детка, дыши. На холодном сидеть плохо, детей не будет, ой не будет. У тебя же дите было внутри?

— Внутри...

— А кто? Мальчик или девочка? Или не узнавала, Клава? А?

— Мальчик... хотела... мальчика...

— Лучше девочку, Клавочка, девочка с мамой будет всегда. А пацан уйдет, бросит.

— Моя дочь меня бросила. Марго. Где она? Не вижу месяцами. Что есть, что нет. И не звонит мне. Сама на другом конце земли, а мать здесь. А мать больна.

— Тсс... Тише, тише. Ты не больна. И я не больна. Это все вокруг нас больны, слышишь? Тебе нервничать нельзя, у тебя жизнь в животе бьется. Новая жизнь. На холодном не сиди, думай головой-то своей.

— Какая жизнь бьется?

— Ну-ка дай послушаю. Не бойся. К животу прильну твоему. Упругий такой, как и щечки твои.

— Что ты мелешь?

— Тсс... Только позитивные мысли, давай только о хорошем. Как назовешь?

— Шурой хочу...

— Вот и хорошо. Саша. Шура. Мягко так. Шш. Как будто ткань платья шуршит. Хорошо это — Шура. Ты меня тоже можешь так называть, Шурой. Универсальное имя. Я буду не против. И тебе спокойнее будет. Вам ведь, людям, все нужно называть своими именами, по-другому вы не можете жить.

— Хорошо, Шура.

— Ты через какое окошко с ним говорила, когда он в части был?

— Вот это, на первом этаже. Окна сейчас другие, все из пластика.

— Вот это? Слушай, как удобно, что на первом. Можно сквозь прутья решетки пробраться. Он окошко откроет, руками сильными тебя от земли оторвет и к губам прильнет. Так ведь оно было, так?

— Так... так...

— Ты тоненькая была, как тростиночка. Сквозь прутья легко проходила. А он ведь и не знал, что тебя не одну поднимает. Что и кровинку свою на руки вместе с тобой берет. Почему ему не сказала?

— Боялась, что бросит.

— Значит, не уверена была в его любви?

— Дура была, вот и все тут. Давай об этом не будем.

— Ох, как бы я тоже так хотела. Чтобы я да через прутья железные, да к горячим устам, да забыть обо всем, от земли оторваться. Клавочка, я завидую тебе, завидую, золотая моя душа. Ну-ка подсади меня да подтолкни снизу, я попробую. Я подпрыгну, а ты меня удержи хоть на секундочку. Я легкая, тебе не сложно будет. И народу вокруг нет. Никто худого взгляда на нас не бросит. Ну же, давай, золотая моя душа, на раз-два-три. Готова?

— Давай.

— Раз, два...

5. Чапалах

Шура увидел Лелю издали. Ему показалось, что она похудела, даже осунулась. Черное худе еще больше подчеркивало ее бледность. Ни грамма косметики, сама естественность. И глаза — распахнутые, голубые-голубые. Она держала в руках учебник по английскому, вечно делает домашку наперед. Леля не может думать ни о чем другом, в голове одна учеба. Остановись, открой глаза, перед тобой живой человек — Шура, человек, который любит. А любит ли он? Шура не знал.

Две недели назад они были на заднем дворе школы и грелись на солнышке. Просто сидели с закрытыми глазами, подставив свои лица лучам. Шура приоткрывал глаза и любовался Лелей. Ее словно пронзал солнечный свет. Она вся будто горела снаружи и изнутри. Шуре захотелось вдруг ее поцеловать. Не в щечку, а в губы. Губы Лели были идеальными по форме, они манили, манили. Но все закончилось очень прозаично. Пощечина.

Чапалах — так пацаны в классе называли крепкую затрещину. Это слово из армянского языка. Смачно Леля ударила. И откуда столько силы в этом крохотном существе? Леля быстро ушла, Шура не побежал следом за ней. Теперь жалел. Залез в телефон, покрасневшая щека побаливала и горела, зашел в инсту и заблокировал Лельку. Не напишет она ему больше, все кончено между ними, не будет впредь руки распускать.

Шуру задела не столько сама пощечина, а странное ощущение после нее. Он это уже испытывал, давно, в далеком детстве. Его мама тогда работала простым бухгалтером, часто была дома, и в один из дней она делала отчет, разложив бумаги на столе. Маленький Саша очень любил рисовать, не расставался с кисточкой. Он готов был заполнить своей мазней любую поверхность — будь то стены комнаты, пол или даже кафельная плитка в ванной. И вот Саша добрался до маминых документов. Он нарисовал на них красной гуашью три фигурки: себя, маму и Клаву. Если бы был в ассортименте папа, то и папу нарисовал бы. Ему не трудно, только в радость. Когда мама увидела все это, она дала ему пощечину и громко выругалась. Сказала, что он «скотина». Потом заплакала. Он это запомнил, как такое забыть? Так обычно животных называют. Зачем она так с ним?

Лелькин чапалах будто вернул его в то состояние незащитности, неприкрытости, детскости. В нем разыграла старая обида и начала медленно набухать. Он злился на Лельку, на маму, которая так и не перезвонила. Написала только эсэмэску: «Задерживаюсь еще на неделю. Много дел. Деньги перевела тебе на карту. Все ок?»

Шура ответил: «Ок».

Эти две буквы вмещали в себя поразительно много — всю его тревогу за бабушку, всю боль и отчаяние.

Почему он в одиночку должен справляться со всем этим? Почему? А как быть дальше? После девятого Шура хотел поступить в колледж на ветеринара. Он любит животных, но получится ли? Теперь ответить на этот вопрос было сложно. Болезнь Клавы внесет коррективы в его будущую жизнь, это точно. Сколько это продлится — никто не знает. Странно, но Шура не воспринимал себя внуком или сыном, ему казалось, что он — родитель своих родителей. Да, точно так, и его дети (мама и Клава) продолжают шкодить и хулиганить, не слышать наставлений и советов с его стороны.

Он не хотел снова встретиться с Лелей. Окольный путь к дому был перекрыт. Там меняли асфальт, как обычно это делали осенью, а не летом. Их встреча все-таки случилась. Леля сама искала его.

— Саша, там твоя бабушка? — крикнула Леля.

Сердце упало в пятки.

— Я к репетитору шла. Заранее вышла, хотела кофе взять в кофейне, в нашей любимой, — Леля осеклась. Слово «наше» забуксовало на губах, но все же вырвалось нечаянно, необдуманно. Она покраснела и продолжила: — Она застряла...

— Где застряла? — нервно спросил Шура. — Говори где? — он не понимал, что должен быть благодарен Леле за помощь, он был нетерпелив и груб. — Где она?

— Ее плечо застряло между прутьев решетки, там, где кофейня. Как она там оказалась, не знаю. Застряла, как Винни-Пух.

— Ты издеваешься надо мной? Смеешься? — Шура грубо схватил ее и закричал ей в лицо: — Ты мне мстишь, да? За тот поцелуй, которого не было, да? Недотрога, неженка, зачем ходишь за мной, удались из моей жизни, понятно тебе? — он оттолкнул ее в сторону.

Она чудом не упала. Шура побежал прочь. Туда, к кофейне, вызволять Клаву из западни. Леля не последовала за ним. Это было бессмысленно. Она хотела как лучше, а получилось как всегда. Учебник английского уперся боком в мокрую листву. Ей очень захотелось спрятаться под ковром из опавших листьев, и пусть снег засыпает ее, засыпает. Под сугробами ей будет не страшно, не жарко и не холодно, ей будет все безразлично.

Шура пересек дорогу на красный свет, вдали показалась кофейня. Он даже не вспомнил о Леле, о том, как поступил с ней. Она как будто стерлась из его памяти. Дала нужную ему информацию и устранилась из головы.

Он подбежал к кофейне и увидел, как двое крепких мужчин в форме отгибают прутья металлической решетки. Было ощущение, что они соревнуются друг с другом в силе, их движения были выверены и синхронны, они оба издавали странные, кряхтящие звуки. И вот наконец решетка была отогнута, и Клава, как мешок, осела на газон.

Шура подбежал к Клаве, мужчины попытались отстранить его.

— Это моя бабушка, — крикнул он.

— Никакая я тебе не бабушка, — сипло сказала Клава.

— Это Клава... Моя Клава.

— Вот то-то же, а то бабушка... Тьфу на тебя.

Мужчины в форме предложили свою помощь, готовы были отвезти на служебной машине до дома, но Клава отказалась. Это было ниже ее достоинства. Она и так попала впросак.

Шура вел ее под руку, она держала полы пиджака, дрожала от осенней сырости. Со стороны могло показаться, что внук ведет под руку свою охмелевшую бабушку с какого-то грустного мероприятия, с поминок или похорон.

— Давай сядем, устала, — предложила Клава и медленно устроилась на деревянной лавке в чужом дворе. — Скоро будем дома, — она говорила, как абсолютно здоровый человек, как будто всего того, что было — не было. Она гладила свой живот. На ее лице появилась легкая улыбка.

— Шура, а ты детей любишь? — спросила она вдруг.

— Нет, — ответил внук и уткнулся в телефон. Он бесцельно скроллил ленту, пытался переключиться, не получилось.

— Шура, а ты хочешь детей? — снова спросила его Клава, но уже более настойчиво.

— Я сам еще ребенок, какие дети, ты о чем?

— Ребенок... да... Ты до старости будешь ребенок. Душа у тебя тонкая и ранимая. За это я и люблю тебя.

— Что ты такое говоришь?

— А кого бы ты хотел? Девочку или мальчика?

— Никого! Что ты пристала?

Шура злился. Он засунул телефон в джинсы и отвернулся от Клавы.

— Шура, у тебя будет ребенок. Я тебе все боялась сказать об этом. Вдруг ты против будешь, — вкрадчиво шептала Клава.

Шура на миг завис, прямо как в невесомости. Ему показалось, что он идет по канату и может в любую секунду сорваться вниз.

— Что? — переспросил он.

— Я жду ребенка. От тебя.

И тут Шура понял, что это конец. Что он уже летит с высоты вниз, летит и не знает, превратится ли он в лепешку. Он будет падать, ощущать всем телом катастрофу, но так и не увидит пола. Затяжной полет в бездну, в пропасть, в никуда.

Что на него нашло? Зачем он сказал это? Он развернулся к Клаве и прошепел:

— Ты сошла с ума. Тебя надо лечить. Какой еще ребенок? Тебе семьдесят четы...

И снова она. Пощечина.

И снова он. Чапалах.

Рисунки на мамином отчете.

Неудавшийся поцелуй с Лелей.

Сумасшедшая Клава, ждущая ребенка на восьмом десятке от собственного внука.

6. Диалог третий

— Да где же они?

— А вы кто?

— Где бокалы? Не могу найти. Фух, какая пылища. Тебе нужно срочно вызвать клининговую службу. Апчхи.

— Что вы делаете в моем доме?

— Клава, да что с тобой? Не узнаешь? Ну, ничего, ничего. Все как в первый раз. Шурка я. Апчхи. Родненькая твоя, кровиночка. Апчхи.

— Будь здорова, Шура.

— Вот этот разговор мне уже больше нравится. А то начала: что вы делаете в моем доме? Этот дом и твой, и мой. Мы же одно. А ты будь здорова, золотая душа моя. Мы же с тобой здоровее всех, живее всех живых, Клавочка.

— Бокалы внизу в коробке.

— А... А я наверху ищу. Хорошо, что в коробке, значит, непьющие. Новые?

— На годовщину подарили.

— Это с твоим, что ли, муженьком, годовщина-то? Мы о нем вспоминать не будем, Клавочка. Он — книжка закрытая. Давай о Шишигине, давай о нем. Я тебе наливочки принесла.

— Мне нельзя.

— Я знаю, что нельзя. Что ты на животик показываешь свой? Все знаю, знаю. Рада за тебя. Крошка там у тебя внутри. А наливочка-то безалкогольная, как газировка. Пьешь, сахар повышаешь и радуешься жизни. А нам чего еще нужно, Клавочка? Только радоваться в наши-то годы.

— А сколько тебе?

— Ой, не спрашивай. Я тебе полную налью, за милую душу выпьешь.

— Ну, сколько, скажи!

— Вечность, Клава, целая вечность. И в придачу еще одна.

— Две вечности получается.

- Да. На двоих в самый раз. Один плюс один. Нехитрая математика.
- За что пьем?
- За тебя! Будь счастлива. Ты на пороге новой жизни, пусть она будет прекрасной.
- А я хочу выпить за тебя! Уж больно ты мне нравишься!
- А что за тебя пить, что за меня — все одно. Дзынь. Красиво так звенят.
- Богемское стекло.
- Мы, что ли, богема с тобой?
- А почему бы и нет?
- Я к тебе прилягу, ладно? Ох, ну и жестко здесь у тебя.
- Это для спины. Специальный матрас.
- Да у тебя спина отвалится от такой твердости. Я люблю, когда мягонько. Представь, будто на спинке на речке лежишь, и водичка тебя держит. А ты, как звездочка, растянулась и на небушко смотришь. А лучше вообще глазки закрыть. Еще налью. Буль-буль. Ну, как тебе?
- Вкусненько.
- Ну вот, говорю же. Как там, кстати, у тебя дела с волшебным отваром, настаивается?
- Да нет, все руки не доходят.
- Тоже мне! Эх, если бы не застряла в этой решетке проклятой, времени бы столько не потеряла. Уже бы процесс с мертвой точки сдвинулся. А то дай покажу, покажу... Умора, перед мужиками стыдно было. Все себя девочкой-припевочкой воображаешь. Клава промолчала.
- Ты мне лучше расскажи, как ты с Шишигиным-то своим познакомилась? Как было-то все?
- Я Снегурочкой была.
- Ты? Ха-ха.
- Да. Попросили сыграть Снегурочку на елке в институте для профессорских внуков и внучек.
- А Шишигин, что ли, Дедом Морозом был?
- Да нет, он так, мимо проходил.
- Как это мимо?
- Я провалила экзамен, не помню, какой предмет сдавала, по-моему, высшую математику. Да, точно. Там профессор такой сумасшедший был, на Эйнштейна похожий, с копной седых волос. Все его гениальным считали. Так этот Эйнштейн местного разлива поставил мне пару, и она бы в диплом пошла. Он сказал мне, закрывая зачетку: «Вам бы в актрисы податься, вчера Снегурочку на „отлично“ отыграли, а сегодня ваша игра только на двойку. Ты все пела — это дело, так пойдешь и попляши, помнишь, у Крылова?» Он, оказывается, был с внучкой на елке и видел меня.
- Пусть этому Эйнштейну все вернется, аукнется на том свете, Клавочка. А Шишигин-то что?
- Он меня увидел на сачке.
- Где-где?
- Это такой закуток перед институтом, мы там перед парами собирались, курили, кучковались.
- Ты курила?
- Баловалась, старше казаться хотела. Нас гоняли, конечно, за это.
- А сейчас?
- Сейчас не курю. Запах вообще не переносу. Я и Шишигина курить отучила. Мы с ним договорились: если он закурит, то должен будет побриться налысо.

- Фу. Я думала, вы на деньги поспорите, а то неинтересно как-то.
- Какие у нас деньги? О чем ты? Мы были бедными студентами, жили на стипендии, иногда родители посылки с продуктами присылали.
- Налить еще, Клабочка?
- Нет-нет, больше не надо. Меня что-то мутит. Подташнивает.
- Так это у тебя из-за ребеночка, это нормально. Перетерпеть надо. Период такой.
- Нет, я все-таки в туалет схожу. Нехорошо мне.
- Сиди, сейчас пройдет. Главное, дыши. Вдох-выдох, вдох-выдох. Давай со мной вместе.
- Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох...

— Ну как же ты так! Всю простынь, весь матрас свой заморский, все изгвадала. Ну что, тебе совсем дурно, что ли? Давай приляг. Вот здесь, чистенько тут. Дыши, дыши. Зря я, наверное, наливочку эту тебе дала. С непривычки все это. Везде привычка нужна. Золотая моя душа, закрывай глазки. Тебе силы нужны. Ты теперь должна думать за троих. За меня, за себя и за крошку.

У тебя девочка будет. Знаю, что ты всегда мальчика хотела. Ан нет. Девчужка тебя ждет-пождет, не дождется. Шуркой назовешь.

На тебя похожая. На меня. На нас.

7. Разлучница

Шура проснулся позже положенного. В школу он решил сегодня не ходить. Репетитору написал, что заболел. Чем? Уточнять не стал. А то, бывает, напишешь, придумаешь там себе всякое, а потом, как назло, сбудется.

Он должен быть сейчас рядом с Клавой. Каких еще фокусов можно от нее ожидать?

На кухне гремит. Проснулась. И пахнет так вкусно, ее фирменным омлетом с помидорами. Шура очень любил его, уплетал за обе щеки, всякий раз возвращаясь в детство. Клава всегда была рядом. Она заменила ему и отца, и мать.

Умывшись, он прошел на кухню. Как всегда, там было душно. Он приоткрыл окошко в режим проветривания. Играло радио. Мурат Насыров пел свой хит: «Я — это ты, ты — это я». Так странно, человека давно уже нет на этом свете, а песня есть и будет еще звучать многие годы.

На плите стояла алюминиевая кастрюля. Вода кипела. Из кастрюли шел какой-то странный кисловатый запах.

— Садись давай, ешь, — сказала Клава. Голова ее была перевязана полотенцем.

— Что с тобой?

— Да болит, всю ночь не могла уснуть. Полотенце вот мокрое привязала. Ешь, остывает.

Шура принялся за омлет. Омлет был вкусным, горячим, ароматным. Клава сидела напротив и откусывала огурец. Вместо привычных утренних бутербродов теперь перед ней лежали овощи.

— Ты теперь со мной жить будешь? — спросила она и, не дождавись ответа, продолжила: — Ну и правильно. Мне так спокойнее будет. А то мамка твоя вечно в разъездах. Ох, как же мне не нравится твоя прическа. Это кто же тебя так подстриг?

— В парикмахерской, — ответил Шура с набитым ртом. — Так модно сейчас.

— Неужели? — Клава повела бровью. Шура заметил, что она уже успела сделать макияж.

— Да-да. А что у тебя там варится?

— Ой, забыла, забыла.

Клава спохватилась, подняла крышку кастрюли, оттуда повалил густой пар.

— Фу, вонища какая, — Шура закрыл нос руками. — Что это? Тухлые носки?

Шура подошел к плите и увидел в кастрюле пузырящийся суп. Он чем-то напоминал борщ, но только совсем бледный, как будто пожалели свеклы. Клава помешивала жидкость большой деревянной ложкой, расписанной под хохлому. В кастрюле мелькали железки, как кусочки овощей. Это были ордена Шуринога деда.

— Клава! — крикнул он и отстранил ее от плиты.

— Отойди, Шура, мне настой надо слить, слышишь меня? — она попыталась подобраться к плите, но Шура преградил ей путь.

Он быстро слил воду в раковину, на дне кастрюли железной горкой покоились ордена. Те части, которые крепятся к одежде, рамки, потеряли свой цвет и дали супу этот странный оттенок. Как хорошо, что дед не дожил до этого дня.

Клава стояла растерянная. Взгляд ее уперся в раковину, туда, куда утек целебный отвар. А можно ли сделать его повторно? Или ордена навсегда потеряли свою силу? Гостя ничего ей об этом не говорила. А кто эта гостя? Кто ей все время что-то шепчет на ухо? Вопросы клубились в Клавиной голове. Она сняла с себя мокрое полотенце, вытерла им лицо и засемила в свою комнату, легла на постель и все повторяла и повторяла: «Как же теперь быть? Как быть?»

Шура остудил ордена под струей холодной воды, вытер каждый и положил их в холщовый мешок. Он решил спрятать ордена под ванну, в самую глубь. Там Клава их точно не найдет. Но в ванной комнате его ожидала новая оказия.

Стиральная машина стояла открытой, из ее отверстия выглядывало мокрое белье. На полу была мыльная пена. Белья было так много, что стиральная машинка не выдержала, надорвалась. Ее вырвало. Хорошо, что вода каким-то чудесным образом ушла по сливу, а то затопили бы соседей, попали бы на деньги за испорченный евроремонт.

Шура взял в руки отяжелевшее белье. На ощупь белье было противно-слизкое, оно то и дело выскальзывало из рук. Его нужно было немедленно прополоскать и отжать. Все это придется делать вручную. Машинка накрылась. Шуриных денег на ремонт не хватит. Нужно написать об этом маме. Шура знал, что из-за такой ерунды мама не сорвется домой из-за границы.

Шура переложил белье в ванную, включил воду. Раздался звонок в дверь. Кто там еще?

Он пошел открывать. По дороге заглянул в Клавиной комнату. Она спала. Диван был не застелен. «Пусть спит», — подумал Шура.

— Да, сейчас. Кого там принесло?

Может, Владлена Семеновна разложила пасьянс и пришла рассказать ему об этом. Но лая нет. Владлена никуда не ходит без своего шпица.

На пороге стояла Леля.

— Ты почему не в школе? — спросил ее Шура в лоб.

Леля нисколько не растерялась и с улыбкой ответила:

— У нас уроки отменили. Кто-то позвонил в школу и сказал, что здание заминировано, представляешь?

— Опять?

— Ну да. Третий раз за месяц.

— Ну, круто. Поздравляю, — Шурка хотел было закрыть дверь, но Леля остановила дверь ногой.

— Подожди. Ты, это... не сердись на меня. Если хочешь меня поцеловать, то я готова.

Шура поперхнулся.

— Да? А я не готов.

Он снова рванул дверь. Леля успела протиснуться внутрь, но не рассчитала силу своих движений, толкнула Шуру на пол и повалилась прямо на него. Их губы соприкоснулись. Вот такой первый поцелуй, странный, внезапный, неумелый.

— Ай, больно, — Шура покраснел, начал трогать свои губы. На лбу выступил пот, внутри что-то взорвалось. Он поднялся, потом помог встать Леле.

— У тебя там вода, что ли, течет? Забыл закрыть?

— Черт! — Шура ринулся в ванную. Леля за ним.

— У тебя тут авария? — спросила она.

— Машинка не выдержала.

— А зачем ты столько белья положил?

— Это не я. Это Клава.

Леля и Шура вместе прополоскали белье и отжали его в четыре руки. У Лели это получалось куда лучше. Шура еще раз убедился, что при всей своей хрупкости Леля физически крепкая, такая же, как и внутри, с характером.

— Леля, ты прости меня. Это все-таки я был не прав.

Они развешивали белье на веревки.

— Проехали, — ласково ответила она. — Я на тебя не сержусь. Забудем. Пусть это недоразумение просто выпадет из наших воспоминаний. Знаешь, есть такая болезнь — потеря памяти. Давай чуть-чуть переболеем этим и будем думать о чем-нибудь другом, хорошо?

— Леля, нет. Не надо нам этим болеть. Даже не смей так говорить.

— Хочешь чаю? — предложил Шура, когда они наконец разобрались с бельем. — Давай я тебе бутерброды сделаю.

Они ели бутерброды с «Докторской» колбасой, болтали, смеялись и не заметили, как Клава появилась на кухне.

— Здравствуйте, здравствуйте! А я вас заждалась! Вчера же обещали, а сами не пришли, — укоризненно сказала Клава и подала Леле руку. — Зина, идем в примерочную. У меня все готово. Кстати, у вас отличные волосы, я вам как мастер говорю. Я не только шитьем занимаюсь, еще много лет отработала в парикмахерской. Кончики бы все-таки подрезать, чуточку секутся. Ну что, пойдём, примерим?

Леля сидела с открытым ртом и не знала, что ответить. Она посмотрела на Клаву, потом на Шуру, потом снова на Клаву и ровным счетом ничего не понимала. Какая еще Зина? О чем она говорит? Шура спас ситуацию.

— Зине надо спешить. Да, Зин? Она пришла пораньше, но ты отдыхала. Мы не стали тебя тревожить.

— Ну, могу же я вздремнуть. Тем более Зина не предупредила меня о своем сегодняшнем визите, — немного обиженно сказала Клава. — Ну, давайте уже примерим, что мы все говорим и говорим, минутное же дело, и я вас сразу отпущу, а сама сяду доделывать.

Шура хотел было остаться в комнате, но Клава попросила внука выйти. Шел процесс примерки. Клава подкалывала платье, ей хотелось доработать задние вытачки, в остальном платье сидело идеально.

— Вуаля!

Клава открыла дверь, и Шура увидел ее. Лельку. И будто бы не Лельку. Принцессу. Да она была красивее всех принцесс, вместе взятых. Платье делало ее какой-то взрослой, она раскрылась, как цветок. Природная, естественная красота.

— Волосы с этим платьем надо убирать наверх, — сказала Клава, зажав булавку в губах. С кончиками все-таки что-то реши. Хочешь, я сейчас тебе их подровняю, это быстро!

— Нет-нет, — остановил ее Шура. Он подошел к Леле поближе. Или ему это мерещилось, но ему казалось, что от Лели шло какое-то сияние, и глаза, голубые-голубые, как-то по-особому сверкали, наполняли пространство солнечным светом.

— Мне очень нравится. Вот бы мне такое на выпускной, — замечталась Леля. — Мне бы все девчонки в классе завидовали.

— Ну, покрутись, покрутись, — попросила Клава.

Леля закрутилась, как юла. Шура глядел на нее и представлял, как бы они вместе танцевали. Вообще, танцевать — занятие не для пацанов. Но рядом с Лелей ему хотелось делать только две вещи. Целовать ее идеальные губы и танцевать с ней вальс или любой другой танец, но обязательно, чтобы в нем был кружение. Они бы раскрутились, как винт самолета, и улетели. И не было бы никого вокруг. Ни людей, ни их болезней. Забыли бы обо всех.

— Я не поняла, — Клава остановила фантазии Шуры, грубо положив руку на его плечо. — Остановись! — потребовала она и стала пристально сканировать Шуру. — Ты как на нее смотришь?

— А как я смотрю? — опешил он.

— Влюбленными глазами. Ты что это делаешь? — не унималась Клава. Она оттолкнула Лелю и подошла в упор к внуку.

— Больше так не заглядывайся, понял? Ни на кого. Только я есть у тебя! Я и твой ребенок. Ишь, ты что задумал.

Глаза Клавы налились кровью. Она походила на страшную ведьму. Из глаз, обильно накрашенных тушью, летели искры, а потом уже ручьем слезы:

— Я так и знала, что ты мне изменишь. И еще в дом ее приволок. Хорош. И платье, моими руками сшитое, для нее захотел! Кто бы мог подумать? Да чтобы тебя черти съели, чтобы тебя зверь лесной покусал, — кричала она внуку в лицо и трясла перед ним пятерней.

Шура старался ее не слушать, но это у него не получалось. Он глядел на мелькающие Клавины кольца с крупными камнями и стоял истуканом.

— А ты, белобрыся, — Клава вцепилась взглядом в Лелю, — больше сюда не приходи. Забудь его, поняла? И платье мое снимай. Живо! Чего это ты? Плакать вздумала? Плакать будешь, когда Шишига с тобой разделается за все твои дела.

— Шура, отвернись, — сквозь слезы прошептала Леля, быстро снимая платье.

Шура вышел из комнаты и стал ждать в коридоре. В тот момент он был готов убить Клаву. Стукнуть чем-нибудь разок-другой. И не будет ее больше на свете. Но он этого не сделает. Он внук. Она бабушка. Несчастливая, пожилая женщина, сошедшая с ума. Откуда взялась эта болезнь? Почему Бог допускает все это? И когда же все это кончится? Или это только начало?

Леля выбежала в коридор, на ходу застегивая рубашку, утирая слезы рукавом. Шура попытался остановить ее.

— Пусти, пусти...

Она выбежала в подъезд, стала судорожно нажимать кнопку лифта. Но он не работал, так и не починили.

Она прислонилась к стенке и медленно сползла по ней вниз. Шура сел рядом на корточки.

— Леля, заberi меня отсюда куда-нибудь, — прошептал он ей. — Мне здесь плохо, невыносимо, ты же видишь, Леля. Я так долго не смогу. Моя бабушка сошла с ума.

Я тоже схожу с ума. Помоги хоть ты мне? Она думает, что я отец ее ребенка. Она думает, что беременна. В семьдесят четыре года. Ты только подумай!

Леля начинает смеяться. Истерика. Каждый ее смешок вымучен и вырывается с громким всхлипом.

— Леля, ну скажи мне что-нибудь. Не дай мне сойти с ума, Леля, — Шура припал лбом к ее коленям.

Леля не отвечает ему. Она смотрит поверх его головы, смеется в лицо своему новому врагу. В дверном проеме победоносно стоит Клава и смотрит на них. Леля читает по ее губам:

— Какая я вам бабушка? Тоже мне, нашли бабушку!

8. Диалог четвертый

— Ну и долго мы будем играть в молчанку?

— Вы кто?

— Опять не узнаешь?

— Что вы делаете в моем доме?

— Опять старая песня. Все одно заладила. Кто я? Пустое место, судя по тому, как ты ко мне относишься. Не ожидала от тебя, Клавочка.

— Мы знакомы?

— Давно. Столько лет тебя знаю. Ох, ты начинаешь меня злить. Наши разговоры не доставляют мне былой радости. Уйду от тебя, золотая моя душа. Нет, теперь душа твоя не золотая. Фальшивка, обертка от фантика душа твоя, блестяшка.

— Что я не так сделала?

— Да все, все. Как вспомню, сердце кровушкой обливается.

— Говори.

— Так уж и быть. Повторю. Не хочется, но повторю. Ордена, Клава. Не выварила, отвар целебный слила, упустила. Второй раз не получится. В полете ты теперь. Утек отвар в канализацию, ищи-свищи его в Москве-реке.

— Да помню, помню. Не смогла, не смогла я, не злись на меня. Не успела. Кто ж знал, что так будет.

— Я знала, но до последнего надеялась, что есть еще чудеса на этой земле! Ан оказалось, нет. Нет чудес. И дружбы женской след простыл. Платье-то мое меченое теперь, не поносить мне его. Человечиной пахнет.

— Она один раз примерила и все, выгнала я ее потом. Тоже мне! Чуть не увела у меня его из-под носа. Как тебя звать, забыла. Опять забыла, прости. Зина ты?

— Шура. Да хоть как называй, мне уже все равно.

— Не знаю, что делать. Запер меня дома, не выпускает. Рассердился.

— А зачем ты на них накинулась? Тоже мне, ревнивица. Только о себе и думаешь! А как же я, а как же крохотка? Мы же одно целое. Или это тоже забыла?

— Не знаю, что на меня нашло. Не знаю, как быть, подскази.

— Ладно, прощаю тебя. В последний раз. Без меня ты этот колтун не размотаешь. Запутаешься совсем и меня в трясику сведешь. Хотя мне не привыкать. Я всю жизнь по болотам... Только вырвалась, думала спокойненько на земле проживу, в Москве. Ан нет. Все обратно меня отправляешь, все хочешь, чтобы я, как прежде, зажила.

— Прости, прости, прости. Каюсь, каюсь.

— Да брось ты эту ерунду. Это уже давно не работает. Я же вижу, что ты слабачка, прямо задохлик. От наливки даже поплыла, чего уж тут говорить.

— Дурно было мне от твоей наливки. Помню я это.

— Да, наливку мою не забыть, это точно. Слушай сюда, золотая моя душа, тебе надо бы уехать из города, да поскорей. Переживаю за ребеночка твоего, ему тишина, покой нужен, а тут у тебя страсти-мордасти такие. Дачка есть у тебя?

— Дочка? Что есть, что нет — одно.

— Дачка! Да ты еще и глухая. Мало того, что провалы в памяти, так еще и тугоухая. Досталась же мне такая! Вот оно счастье! Я про дачу тебя спрашиваю. Есть у тебя?

— Есть, в Подмоскovie. На Николиной Горе.

— Ох, как хорошо. Как я люблю Николину Гору, прям как Лысую. Мы с подружками на Николиной часто отдыхали, через костры прыгали. Хорошо там. Речка рядом.

— Ты со мной поедешь?

— Обижаешь ты меня. Куда ж я от тебя денусь? Мы одно. Платье с собой возьми. Мы его в речке промоем на три раза. Там вода живительная течет, уберет всю накипь людскую. Больно уж платье хорошее, жалко, если пропадет. Ты дошила?

— Сегодня дошью, всю ночь шить буду. Для тебя.

— Молодец. Шей да обо мне думай. Да о крохотке нашей. Нам ведь никто больше не нужен. Ты этого Шишигина из головы-то выбрось. Пусть он пададь всякую подбирает. Неровня он тебе. Тебе только я нужна. Сами ребенка на ноги поставим. Так ведь?

— Не знаю. Тебе виднее.

— То-то же, золотая моя душа. Правильно все говоришь.

— Я тогда сумку собирать буду. Боюсь забыть что-нибудь. Что взять?

— Там все есть. Купальник только возьми, искупаемся. Об остальном я позабочусь.

— Дак ведь холодно, сентябрь на дворе. Куда ж купаться?

— В сентябре вода самая хорошая, молодящая и тело, и душу. Умные люди знают, какую силу вода в сентябре обретае. Искупишься, как новенькая будешь.

— А если застужу ребеночка?

— Не бойся, один раз нырнешь, и все.

— Что все?

— Все. Пора мне. Платье давай дошивай и поспи перед дорогой. Во сколько первый автобус?

— В восемь пятнадцать.

— Откуда идет?

— С Митина.

— Хорошо-то как. Крокодилова как раз на восходе навешу, он ведь там лежит?

— Да.

— От тебя конфеток ему подброшу. На том свете конфетки зубам не вредят. Хорошо, когда конфетки есть. Плохо, когда одна обертка. Мне сладости нельзя, в платье не влезу. Ладно, бывай, Клава, золотая душа моя. До утра.

9. Пасьянс

Черт, черт, черт. Она проспала, она опоздала. На часах девять двадцать. Будильник забыла завести. Она ведь ее ждет там, на остановке в Митино. И не позвонишь ведь. Телефона у Клавы нет. И почему не взяла? Ночь была бессонной, но продуктивной. Дошила платье, прикрепила атласный бант. Перерыла все шкафы, но так и не нашла купальник. А был ли он вообще у нее? Купалась она давным-давно, в прошлой жизни. Уснула в пять. А та, другая, наверное, уже была у Крокодилова. С рассветом хотела его навестить. Клава не могла смириться со своим опозданием. Раз другая ей сказала, что на даче для них будет лучше, значит, надо ехать. Клава бесшумно проскользнула

мимо Шуры, который спал в коридоре на кресле-кровати. Тихо оделась, обулась и на цыпочках ушла. Ключи так и не нашла, оставила дверь открытой.

Во дворе Клаву встретила Владлена Семеновна. Она как раз выгуливала Шакиру. Собака бросилась к Клаве и стала, по обыкновению, прыгать ей на ноги и радостно повизгивать.

Владлена Семеновна окликнула собаку, пристально вглядываясь в подругу: узнала ли она ее на этот раз? Узнала.

— Владя, ты чего не здороваешься? — спросила ее с обидой Клава. — За версту меня обходишь.

— Клавочка, — всплеснула руками Владлена, радуясь, что все вернулось на круги своя. — Как ты? Куда пошла в такую рань?

— Я на дачу поехала.

— Одна? А Шура где?

— Шура спит.

— Так дождись. Проснется, вместе поедете.

— Зачем я ему? У него своя жизнь.

— Ну да, ну да, — Владлена Семеновна сменила тему разговора. — Как здоровье у тебя? — сама высматривала глазами Шакиру. Та что-то вынюхивала на газоне и пыталась съесть. — Шакира, а ну фу, отойди оттуда!

— Ну как здоровье. Когда как. Сегодня — так, завтра — сяк. Сама знаешь.

— Да, Клавочка. Я вот тебе список таблеток составила. Мне врач выписал. Для памяти. Держи. Память-то штука такая.

— Ты зачем мне это даешь? Сумасшедшей меня считаешь? Сама лечись, а меня в это дело не вмешивай, поняла? У меня все в порядке с головой. А вот у тебя, видимо, нет. Ты меня с днем рождения не поздравила.

— Дак когда же он у тебя был?

— Вчера. А от тебя ни слуху ни духу.

— У тебя же в апреле. Десятого.

— А... нет... все-таки помнишь, — Клава громко рассмеялась. — Это я тебе проверку устроила.

— Что это ты меня проверяешь, Клавочка?

— Доверяй, но проверяй. Я опаздываю.

— Куда? На дачу?

Шакира подбежала к хозяйке и стала громко тявкать. Сигнал, что все дела сделаны. Владлена Семеновна переключилась на уборку за собакой. Клава пошла решительным шагом вперед, продолжая смеяться.

— Клава, — крикнула ей в спину подруга. — Я на тебя вчера карты разложила.

Клава остановилась.

— Какие еще карты?

— Мои карты, которые я всегда для тебя раскладывала. Сколько раз ты у меня просила, не помнишь?

— А как ты без меня сделала? Ты телепатка, что ли?

— Да нет, я просто много думала о тебе и вот... разложила.

— Ты не телепатка, ты — психопатка. Вот ты кто.

И снова засмеялась.

— Я?

Это обидело Владлену Семеновну. Она с трудом сдерживала слезы.

— Я хотела помочь... Ответ найти.

— Так что же там вышло?

— Дальняя дорога и беда... Клабочка, тебе лучше дома быть, никуда не выходить. Мои карты не лгут.

— И что, по-твоему, я должна запереть себя в четырех стенах и ждать смерти, так?

— Ну не переворачивай ты все с ног на голову. Сама не знаю. За что купила, за то и продаю.

— Значит так, я еду на дачу. И все тут. Разговор закончен. Тоже мне. И как только земля тебя носит!

Владлена Семеновна поспешила вслед за убежавшей вперед Шакирой. Ее плечи подрагивали, на глазах навернулись слезы от обиды. Придет домой и спрячет карты куда подальше или вообще выбросит. Да разве карты виноваты?

— Клава! — послышался знакомый голос. Это был Шура. Заспанный, помятый, с брошенной курткой поверх пижамы.

— Клава, давай домой, куда ты собралась?

— Шура, это ты, — засияла она. — Я не хотела тебя будить. Ты спал. Я к врачу сегодня записана. На консультацию.

— Клава, давай домой.

— А как же врач? У меня сегодня УЗИ. Вдруг что не так?

— Клава... — Шура подбирал слова. — Мы вызовем врача на дом, что-нибудь придумаем.

— Почему ты меня не отпускаешь? На привязи держишь, шагу ступить не даешь. Ты ревнуешь, что ли? Я мигом. Одна нога здесь, другая там.

Шура подошел к Клаве, обнял ее и тихо сказал:

— Я хочу, чтобы ты сегодня была со мной. Не волнуйся, тебе нельзя волноваться. Пойдем домой. А к врачу сходишь завтра.

Шура взял ее под руку. Клава успокоилась, в объятиях Шуры она чувствовала себя девочкой, которую больше не дадут в обиду. Как тогда на сачке. «Каким же он будет прекрасным отцом», — думала она. Как же повезло ее ребенку. Кто же родится? Сегодня должны были сказать. Она узнает все завтра. Вот только по какому адресу была больница, Клава никак не могла вспомнить. В голове кружились: Митино, Николина Гора. Ну почему все так далеко от дома? И спросить не у кого. И хорошо, что Шура остановил ее. Куда бы она поехала?

Они пришли домой. Шура сварил для Клавы овсяную кашу. Та с восторгом ела, нахваливала каждую ложку, говорила, что никогда в жизни такой вкусной каши не ела. Каша была быстрорастворимой, минута — и готово. Поев, Клава принялась смотреть телевизор. Блаженная, немного пугающая улыбка не сходила с ее лица.

Шура взял телефон и набрал маму.

«Абонент недоступен или находится вне...»

Тогда он написал эсэмэс:

«Мама, Клава сошла с ума. Я не справляюсь. Перезвони».

Через два часа мама ответила ему. Тоже эсэмэской:

«ОК. Буду через два дня. Раньше никак».

«ОК» — как все-таки много вмещает в себя это слово.

10. Диалог пятый

— Ау, ты здесь? Чего молчишь? Я ведь чувствую, что ты рядом. Ну не обижайся на меня. Проспала. Потом хотела все исправить, но не получилось. Все пошло не так. Ау, ну выйди же ты наконец.

— А вы кто?

- Хватит придуриваться. Это у меня провалы в памяти, а не у тебя.
- Что вы делаете в моем доме?
- Этот дом твой так же, как и мой. Прости, в последний раз прошу.
- Тот раз был последним. Ну, сколько можно? Неужели нельзя было поставить будильник?
- Забыла, забыла.
- Я промерзла на остановке, автобус опоздал на сорок минут. Очередь на вход набралась. Я по всем сторонам глазела, высматривала тебя, ждала. Кинула меня, думаю. Только Крокодилову тебя нахваливала, говорила, какая ты прекрасная-распрекрасная, как мы с тобой дружим. Он обрадовался, к себе нас с тобой позвал. Я сказала: «Скоро, скоро, Крокодилов, погоди». Он все про коронку твою говорил, переживал.
- Да, выпала.
- А что ж не делаешь? Запустила себя совсем.
- Я к Крокодилову хотела пойти. Да забыла, что он умер давно.
- Умер-то он умер, а про тебя спрашивает. И помнит. И на расстоянии знает обо всех твоих изменениях и выпадениях. Короче, я вот что тебе скажу: потеряла я совсем веру в тебя. Впервые почувствовала, что мы с тобой совершенно разные. Раньше трубила во все трубы: мы одно, я — это ты, ты — это я. А теперь отказываюсь от своих слов.
- Что ты, что ты?
- Да ты слушаешь всех подряд. То соседку полоумную с ее картами. То Шишигин тебе мерещится в собственном внуке. Платье-то хоть мое никто не мерил, кроме этой белобрысой?
- Никто. Я дошила. Можешь забрать.
- Не нужны мне твои подачки. Вот когда тебя в психушку заберут, тогда я платьишко и заберу.
- В какую психушку?
- Психоневрологический диспансер, слыхала о таком? Ты уже давно там должна быть. И будешь ты там не просто Клавой... а Клавдией Шульженко, певицу помнишь такую? Там все знаменитостями представляются... все как на подбор... Помню первый студенческий бал, в светлом празднике актовый зал... Хорошая песня... А в Новый год Снегуркой там у них будешь... Отличненько, да?
- Нет, нет. Ты этого не сделаешь!
- Я — нет. Руки марасть не буду. А вот дочурка твоя сделает. Со дня на день приедет. Жди-пожди ее. И отправит тебя туда.
- Нет... нет... и... что делать? Как быть?
- Тебе нужно играть свою роль без фальши, Клавочка.
- Какую еще роль?
- Роль здорового человека. Самая сложная роль в этом мире. Никто ее еще не сыграл без фальши и наигрыша. Сможешь? Что-то я не уверена.
- Смогу.
- Интересно будет посмотреть, займу место в первом ряду. У тебя всего один шанс. Не подавай вида. Будь кроткой, покорной, любящей мамочкой, заботливой бабушкой.
- Бабушкой... Не терплю, когда меня так называют.
- Вот уже в тебе сквозят черты нездорового человека. Поправь это, пока есть время. Позлись сейчас, всю злость вылей. А уж как Марго приедет, будь добра, будь добра.
- Ты мне поможешь?
- Нет, Клавочка, золотая моя душа. Все сама, сама.

11. Мама приехала

Прошло два дня. Мама так и не приехала. Шура не посещал школу, не выходил из квартиры Клавы, следил за ней. Он общался с Лелькой через соцсети, не звонил, мало ли, какотреагирует Клава. Леля тихонько пробралась к нему, он передал ей ключи от квартиры мамы. Она принесла оттуда все необходимые вещи, учебники и уже сделанную домашку. Какая же она молодец! Он бы без нее не выплыл.

В жизни Клавы снова наметился штиль, прежних ураганов и взрывов не было. Она была кроткой, немного замкнутой в себе, смотрела телевизор, подшивала носки. При взгляде на нее нельзя было подумать, что она чем-то больна. Такие перепады еще больше тревожили Шуру, он ежесекундно ждал подвоха. И ему не пришлось долго ждать.

Клава сидела перед телевизором, Шура возился на кухне, готовил завтрак. Клава переложила кулинарные дела на внука, с нетерпением ждала обеда и ужина, ела с жадностью, как оголодавший ребенок.

— Шура, иди-ка сюда! — позвала она.

Шура зашел в комнату, вытирая руки полотенцем. За эти дни он стал выглядеть взрослее, черты лица обострились.

— Шура, ну что ты стоишь. В ногах правды нет. Сядь, у меня к тебе серьезный разговор.

Шура покорно сел на стул. Клава взяла в руки пульт и отключила горляющий телевизор. Она включала его на такую громкость, что соседям было впору жаловаться, видать, еще и слух сдавал.

— Шурик, смотри. Я знаю, что тебя тревожит и беспокоит все эти дни. Это все из-за меня, я знаю. Это я во всем виновата.

— Ну, хватит. Прекрати, — сказал Шура. — Что ты начинаешь? Все ведь хорошо!

— Хорошо-то хорошо. Я узнала, что тебя отчислили. Почему ты мне не сказал?

Наступила пауза. Шура поперхнулся слюной.

— Откуда меня отчислили? — перебирал он в голове варианты. Из школы? За что? За эти пропуски? Этого не может быть. А других проступков за ним не числилось. Что за ерунда?

— Эйнштейн сказал ректору, что ты ему нагрубил. Мне, конечно, приятно, что ты заступился за меня. Но ведь я сама опростоволосилась, плохо выучила предмет, Шурик, а теперь тебя отчислят. И ты загремишь в армию.

Шура не отвечал, думал. В армию. В армию ему еще рано, он в девятом классе. Она снова говорила о своей мифической любви. Видимо, первой, единственной и незабываемой. Шура злился, что она ни разу не вспомнила о своем муже, его деде. Она даже убрала все их совместные фото в шкаф. Шура думал, что ей тяжело смотреть на них, подкатывают воспоминания прошлого, а оказалось, что никаких воспоминаний больше нет. Все стерто ластиком болезни.

Как раз в эту затянувшуюся паузу Клава достала конверт. Правда, не сразу нашла его. Сначала она посмотрела под диваном, потом под подушкой, потом под другой подушкой, но конверта нигде не было.

— Что-то потеряла? — спросил Шура.

— Да. А, вот же он, — просияла Клава и достала конверт из внутреннего кармана кофты.

— Вот, — протянула она его внуку. — Этого хватит. Ты ведь знаешь, где наша больница районная находится. Так работает врач Капиков Иннокентий Петрович. Он невролог. Обещал тебе помочь.

— Чем помочь? — начал заводиться Шура, стараясь держать себя в руках. Чуть успокоившись, он продолжил: — Чем он мне поможет, Клава? — выговорил он нарочито четко, по слогам.

— Он напишет, что ты идиот. И тебе нельзя служить. Да, придется полежать чуток в диспансере, где-то месяц с лишним. Капиков все устроит. За эти деньги он от тебя отходить не будет.

Шура понял, что в этом конверте все сбережения, оставленные Клавой на черный день. «Гробовые», — так она их в шутку называла. Шура с мамой всегда осекали ее, нечего думать о смерти. Страшно подумать, но сейчас Шура отдал бы все, чтобы эти мучения поскорее закончилось. Так думать нельзя, нельзя, но что поделаешь, если мысли роem пчел кружат в голове и жалят, жалят.

— Я не возьму эти деньги, — твердо сказал он.

— Как? Ты уйдешь служить, а как же я? Как же мы?.. Нет, Шурик, возьми, возьми и собирайся к доктору.

В прошлой реальности Клава не сказала Шишигину, что ждет от него ребенка. Он ушел в армию, служил и скрыл от нее, что нашел себе другую. Так когда-то рассказывала Шура мама, не углубляясь в подробности. Да и дед не любил, когда заговаривали о Шишигине, ревновал страшно. В сегодняшней Клавиной реальности, если ее вообще можно было назвать реальностью, Шишигин знал о ребенке. Клава изменила сюжет. Вот только перед ней сидел не Шишигин, а ее внук Шура. Саша. Тезка Шишигина.

— Я без тебя не смогу. Я из окна выброшусь, под поезд лягу. Я разлуку эту не переживу, — гладила Клава внука по голове, запускала ладонь в черные пряди. — Возьми, прошу. Хочешь на колени встану?

— Не надо...

Шура взял конверт, понес его в коридор. Клава наверняка забудет о деньгах, о Капикове, пусть конверт побудет у него.

В коридоре разувалась мама. Марго наконец приехала. Она снимала с себя новую куртку, лаковые сапоги — все, купленное за рубежом. Рядом с сапогами стояли два пакета. Подарки для сына. Шура не бросился к ней. В их отношениях не было принято обниматься, проявлять свои чувства. Марго не было в Москве два месяца. Скучал ли по ней Шура? Нет.

— Завезла чемодан к нам домой и сразу сюда. В пакетах одежда, примерь, все из последних коллекций, — сказала Марго и прошла в коридор. Она похлопала сына по плечу и спросила: — Ну как вы тут?

— Кто там? — послышался голос Клавы.

— Мама, это я, — сказала Марго.

— Здравствуйте. Шура, у нас снова гости? А вы кто? — спросила Клава.

Повисла долгая пауза.

— Мама, это я, Марго. Дочь твоя. Ты чего? Мама...

— Ты слишком большая для моей дочери. Дочь моя еще не родилась. Она тут. Хочешь послушать?

Марго быстро вышла из комнаты в коридор, крутя свой навороченный телефон в руках. Лицо оставалось неподвижным, как будто на него надели маску. Шура подумал, что мама снова сделала себе подтяжку: лицо было чересчур гладким, каким-то другим.

— Так... все понятно. Дела плохи, — Марго много говорила, вперемешку с отборным матом. Шура было неприятно это слышать. — С этим надо кончать... Ее нужно сдавать в больницу, другого варианта нет. А ты почему не в школе?

— Как я ее оставлю? — оправдывался Шура.

Марго позвонили.

— Але, да, долетела. Все ок. Как это завтра? Я только прилетела, ты в своем уме? Пусть без меня там разбираются. Все.

Она бросила трубку. Пошла на кухню. Открыла холодильник, долго что-то высматривала и спросила:

— А безлактозного молока нет?

— Нет, — ответил Шура.

И как она может думать сейчас о молоке, уму непостижимо.

У Марго снова зазвонил телефон.

— Але, ну что тебе нужно? Я же тебе сказала — нет, нет и еще раз нет. У меня здесь мама уми...

Мама умирает. Как она может так говорить. Ведь Клава жива.

Марго появлялась от силы пять раз за год, не звонила матери месяцами, откупалась от сына новомодными подарками и снова улетаала. Туда, в другую жизнь.

— Не кричи на меня, — говорила она в трубку. — Я сама на нерве. Я все поняла. Это будет последний раз, понял? Я тебе не девочка на побегушках. Я устала, слышишь, устала!

С кем она говорила? Да какая разница. Она сказала сыну:

— Мне завтра утром надо лететь в Бруклин. Важная встреча, без меня не смогут.

Шура не стал возражать. Пусть лучше уезжает. Марго вернулась в комнату и сказала матери:

— Мы сейчас с тобой поедem в больницу. Собирай вещи.

— Как это в больницу? — удивилась Клава. — Мне еще рано. Я недавно на консультации была, сказали, что все хорошо. Плод развивается по всем нормам. Зачем в больницу?

— Голову твою лечить, голову, — не сдержалась Марго.

— Мама! — остановил ее Шура. — Хватит.

Ему было непривычно говорить — мама.

— И ты тоже собирайся. Надень новые джинсы и кофту. Выглядишь как чучело. И что у тебя за прическа? Стоит мне вас оставить, вы превращаетесь в неандертальцев.

— Давай живо, времени нет, — подгоняла она мать.

Клава встала с дивана, Шура и Марго уставились на ее округлившийся живот. Клава была «беременна». На вид — месяц седьмой.

— Это что за... — Марго не скупилась на бранные слова. Она подошла к матери и одним движением вытащила ложный живот. На пол посыпались отрезки ткани, лоскуты, мотки пряжи, запутанные в колтуны нити.

— Убила, убила, — Клава упала на пол. Она держала руки над лоскутками, как над огнем. — Убила, дочку мою убила. Шура, нашей дочки больше нет.

Шура стоял, прислонившись к шкафу, у него не было больше сил на все это реагировать. Разум заблокировал чувства. Если он впустит их в себя, предохранители сгорят, и он тоже сойдет с ума. А может быть, он уже...

— Я вызываю «скорую», — отчеканила Марго.

Клава продолжала тихонько выть. Ее вой напоминал колыбельную. Похожую на ту, которую она пела Шура в детстве.

— Шура, ну сделай же что-нибудь, — умоляла она внука и показывала на безжизненные лоскуты.

Ничего тут уже не поделаешь.

«Скорая» приехала через сорок минут. Клава лежала на диване. Врач сделал укол, выписал успокоительные таблетки, померил давление, пульс. Странно, но все было

в пределах допустимой для этого возраста нормы. Врачи не стали забирать Клаву в больницу. Сколько у них таких?

Клава была удивительно доброжелательна и отзывчива. Поблагодарила доктора, крупного мужчину с кудрявой бородой, и попросила его передать привет Крокодилу и Капикову.

— Что-то я таких не знаю. Из какой они больницы? — спросил он.

— Да ваши они, ваши.

— Молодняк, наверное, не знаю таких.

— Я могу вас попросить передать конверт Капикову? Вы с ним наверняка пересечетесь.

— Нет, давайте вы сами. Я могу не найти его.

— Шура, где мой конверт? — Клава искала под подушками. — Куда-то запропастился. Хорошо, что Шура спрятал его.

Бригада уехала. И жизнь потекла в привычном русле. Ураган был позади. Марго уехала в свою квартиру. Она была разбита и выжата, как лимон.

— Звони мне, если что. Я завтра улетаю. Постараюсь быстро управиться. Как приеду, мы найдем ей сиделку.

Звони, звони. Шура знал, что с завтрашнего дня мама будет недоступна.

Он зашел в комнату. Клава мирно спала. Он собрал с пола лоскутки, обрезки ткани, переложил их в мусорный пакет и понес его на улицу.

Возле соседнего подъезда стояла «скорая». Неужели до сих пор не уехала? Вокруг «скорой» наматывала круги Шакира. Шура подошел к машине, постучал в стекло. На переднем сиденье девушка-врач заполняла бумаги. Шакира прыгала на ноги Шуры, тревожно лая.

— Вы к кому приехали? — спросил Шура девушку.

— Старушка померла, — сухо ответила она.

— Как зовут?

— Клав...

В голове Шуры забил набат. Нет. Он же только видел ее дома спящей. Как она могла умереть?

— Простите, не туда посмотрела. Умерла Владлена Семеновна Бело...

Бригада занесла закрытые носилки в машину. Шпиц кидался на врачей, не мог понять, куда увозят его хозяйку, пытался разбудить ее истошным лаем. Рядом со «скорой» стояла машина ритуальной службы. Подсуетились. У Владлены Семеновны ничего не было. Ни ребенка, ни котенка. Только Шакира.

— Шакира, иди ко мне, — Шура позвал собаку, взял ее на руки. В его руках шпиц чуть успокоился.

«Скорая» и ритуальная служба уехали. Шакира долго лаяла им вслед. Кому сейчас достанется квартира Владлены Семеновны? Наверное, в ближайшем будущем объявятся ее дальние родственники, которые не вспоминали о ней все эти годы, и начнут дележ: кому что достанется и сколько.

Шура выкинул мешок с лоскутами и вернулся домой, к Клаве. Вот такой пасьянс вышел. Интересно, знала ли Владлена Семеновна о своем скором уходе, говорили ли ей об этом карты?

12. Диалог шестой

— Помянем Владлену Семеновну.

— Кто вы? Вы были с ней знакомы?

— Ну, опять за рыбу деньги. Я скоро бейджик повешу себе на грудь со своим именем. Шура я, Шура.

— Шура.

— Да, какое-то заколдованное имя. Я — Шура, и Шишигин твой, и внучок тоже — Шурики. Фантастика. А ты умудряешься забыть! Неудобно без вилок есть. Передай курицу.

— Поминки. Вилки нельзя на стол класть.

— Да знаю я, знаю, все это ваши предрассудки. Владлена сама бы вилки всем выдала. Ну как, скажи, курицу, и без вилок, смешно же. Сама куру варила?

— Нет, Шура. Внук.

— Хороший он у тебя пацан. И в кого же он такой уродился?

— В меня. В кого ж еще.

— Да, от скромности ты не умрешь. Помянем Владю.

— Не чокаясь.

— Да ладно тебе. Как тебе наливка? Водичкой тебе в этот раз разбавила, чтоб концентрация не такая сильная была. Хорошо теперь? Не мутит?

— Нет. Меня теперь мутить не будет.

— Ой, прости, прости, не хотела. Знаю, что ты ребенка потеряла. Девчущку нашу. Ничего, ничего. У тебя другая есть. Маргошка твоя.

— Да не моя она. Как из чужого гнезда совсем.

— Все равно, кровь-то твоя. Ничего, покувыркается Марго, покувыркается и приползет к тебе, знай.

— Главное, чтобы поздно не было.

— Никогда не поздно. Помянем.

— Не чокаясь.

— Забыла опять. Все хочу бздынькнуть. Больно хорошо бокалы звенят. Неужели у Владлены никого-никогошеньки нет?

— Только Шакира.

— А, псинка эта нервная. Тявкает непрерывно. Неведома зверушка. На собаку совсем не похожа. Куда ж она теперь?

— Шура к нам взял. Он ветеринаром хочет стать, животных любит.

— Ветеринаром? Твой Шурка мне нравится все больше и больше. Мне б такого жениха.

— Размечталась. Тебе уже о вечности думать надо.

— Я и есть сама вечность, две вечности, забыла, золотая моя душа? Давай еще по одной.

— Жалко Владю.

— Чего ее жалеть. Ей там хорошо. Молодец! Первая в вагон запрыгнула. Скоро и нам надо будет готовиться к отправке.

— Когда?

— Да скажу я тебе, скажу. Я тебя сейчас оставлять одну не буду, вижу, что ты без меня ни туды ни сюды. Просила же тебя помалкивать при дочке. Ты что за спектакль устроила? Видишь же, что Марго и так замучена жизнью, дак еще ты тут.

— Она уехала.

— Ну, ведь скоро вернется. И тебя в больничку сдаст. И прекратятся наши с тобой встречи. Я в дурдом ни ногой. Туда зайти можно, а выбраться никак. Обратного хода нет, Клавочка.

— Что мне тогда делать? Не кори, подсажи! Как быть? Что-то дурно мне опять.

— Все нервы, нервы. Дыши глубже. Вдох-выдох, вдох-выдох, помнишь?

- Да... да...
- Я окошко приоткрою.
- Холодно ведь будет.
- Ничего. Наливочка внутри тебя согреет. Смотри, какой вид красивый. Давно ли в окошко смотрела?
- Давно.
- Мир, смотри, какой вокруг удивительный, необъятный, Клавочка.
- Да.
- Полетать хочешь?
- Как это... Полетать?
- Ручками, ножками... в окошко — шмыг-шмыг — и полетим. За руки возьмемся. Оставим здесь всех, и вперед.
- А куда полетим?
- Куда? Куда? Да разве важно куда! Важно с кем. Я и ты. Ты и я. И никого не надо нам. Помнишь?
- Устанем быстро, не выдержим. Старые мы.
- Устанем — присядем. И снова взлетим. Я жуть хочу до твоей дачки долететь, до Николиной Горы. Запустила ты дачку, позабыла.
- Там как раз яблоки сейчас... белый налив.
- Знаю, знаю. Я ведь из этих яблочек наливочку-то тебе и сделала. Не чувствуешь?
- А то думаю, вкус знакомый такой.
- Вот-вот, Клавочка. На митинском остановку сделаем. К Крокодилу заглянем, не против? Он тебе коронку новую вставит. Что засмушалась? Знаю, знаю, что на Крокодилова заглядывалась. Красавчик такой был, совсем не крокодил. Ха-ха. И к мужу твоему можем заглянуть.
- Нет, нет, не хочу.
- Ну, успокойся. Ради приличия проведать надо. Я за тебя сделаю, ты в сторонке постоишь. Конфеток ему горсть брошу, карамелек, тоже ведь человек. Ну что? Полетим? Давай руку. Вся дрожишь, Клавочка. Ты дыши, дыши. Вдох-выдох. Давай на раз-два-три. Хорошо? Подойди поближе. Поначалу уши заложит, но потом пройдет. Давай на дорожку еще наливочки. Для храбрости. Чокнемся. За наш незабываемый полет. Бздынь.
- Слушай, а если Шура хватится? Может, записку написать, чтоб не беспокоился?
- Какую еще записку?
- Мне так легче будет.
- Ну пиши, что с тобой поделаешь.
- А деньги взять? У меня есть, «гробовые».
- Типун тебе на язык. Мы с тобой летать собрались, а не помирать.

- Написала? Сердце успокоилось?
- Да.
- Ну, давай руку.
- А если Шура услышит?
- Никто ничего не услышит. Окошко я за нами закрою. На Шурку я дурман навела, будет спать как убитый. Он всю ночь со своей белобрысой переписывался.
- С Лелей?
- Да. Которая платье мое мерила. А... платье... Вот я дура, чуть не забыли.
- Взять с собой?
- Да, да, давай его сюда.

- Я купальник не нашла. Мы же искупаться хотели.
- Искупаемся. Там никого не будет. Можно и голышом.
- Да я не могу как-то.
- Что ж ты такая стеснительная у меня? Давай уже сюда руку. Часики тикают. И собачонка, как назло, начала лаять. Я про нее забыла, не одурманила. Давай на счет три. Раз, два...
- Три.

13. Леля Алерт

Шура проснулся от лая Шакиры. Она запрыгнула на кресло-кровать, стала прыгать и будить своего нового хозяина.

— Хватит, Шакира, хватит, — отстранил он ее.

Он протер глаза, посмотрел на часы, прислушался. В квартире было подозрительно тихо. Первым делом он зашел в комнату Клавы. Ее там не было. Тогда он проверил кухню, ванную, вышел в подъезд, дверь в квартиру была не заперта. Вернувшись в комнату Клавы, он увидел записку, лежащую на столе:

«Уехала на дачу. Не волнуйся».

Почерк был неразборчивый.

Как это не волнуйся? Как уехала?

Шура никак не мог понять, почему не слышал ее шагов в коридоре. Неужели он так крепко спал? Проверил, взяла ли Клава сумку. Нет. Сумка на месте. А в ней проездной и деньги. Видимо, забыла.

Он спустился на улицу. Шакира сделала свои утренние дела. Шура обошел вокруг дома. На улице не было ни души. Воскресенье. И спросить не у кого. Была бы жива Владлена Семеновна, она бы сразу сообщила ему, позвонила, не упустила бы Клаву из вида.

Шура позвонил Леле. Она уже сидела за учебниками. Ни свет ни заря — уже трудилась.

— Леля, Клава уехала на дачу, — прокричал он скороговоркой.

— Через пятнадцать минут буду у тебя. Жди меня.

Хорошо, что Леля рядом жила.

Леля добежала до Шуры за десять минут. Они оставили нагулявшуюся Шакиру дома, насыпали ей корма и поехали. Автобус на Николину Гору шел из Митина. Клава должна была быть еще в пути. Наверное, уже села на рейсовый автобус и едет на дачу. А если она застряла где-то по дороге? Поможет ли ей кто? Она наверняка не помнит свое имя и адрес. Сколько таких потеряшек каждый день бродят по Москве, замерзают и умирают от голода и холода.

— Если не найдем, придется обращаться в полицию и «Лизу Алерт», — твердо сказала Леля. Они уже выходили из метро. Клавы нигде не было.

— А что это такое?

— Это поисковая служба. Они ищут потерявшихся людей, прочесывают леса, реки. Волонтеры. Они не получают за это денег и не берут ничего с родственников. Просто подвижники.

— Что они тогда с этого имеют?

— Ничего. Они помогают людям.

— Давай позвоним им, — предложил Шура.

— погоди, сейчас доберемся до дачи. А если Клава там уже? Тогда заберем ее. Твоя мама скоро вернется, и тогда уже будете решать, как дальше. Все будет хорошо. Эй! Ты чего?

Шура всхлипывал. Рядом с Лелей он почувствовал себя маленьким мальчиком. Его броня не выдержала, дала брешь, нервы сдали.

— А если она уме...

— Так, давай мы сначала доедем.

Они сели в переполненный автобус. Внутри было душно, их быстро укачало. Дорога составила два часа, автобус собрал все светофоры и пробки.

И ведь они ничего не взяли с собой поесть.

В киоске на остановке «Николина Гора» купили себе по булке и соку. Ели на ходу, направляясь к даче.

— Ты помнишь, какой сад? — спросила Леля.

— Помню. Сад называется «Юбилейный».

Юбилейный. Клаве в следующем году будет семьдесят пять. Будет юбилей. А вдруг она не доживет? Дурные мысли опять полезли Шуру в голову.

— Вот он, «Юбилейный», — Леля остановилась. — Показывает, что тут, — Леля вертела в руках телефон, переворачивала его, укрупняла масштаб геолокации.

— Да, это он.

Шура помнил эти садовые ворота. В детстве часто ездил в сад с дедом Сеней. Они останавливали машину возле этих самых ворот. Дед давал Шуру ключ, и тот сам, как взрослый, открывал большой амбарный замок. Когда не получалось и не хватало сил, звал деда:

— Деда, не могу.

— Ну что ты... Мало, что ли, каши ел, — говорил дед Сеня, помогая внуку справиться с замком.

Да, это те ворота. Только теперь покрашенные, обновленные.

Шура только сейчас понял, что не взял ключи. Как же они теперь попадут внутрь. Леля и тут спасла ситуацию. Она достала из своей сумки маленький циркуль, вставила его в замочную скважину.

— Попробую, — сказала она и с усилием повернула циркуль. Замок поддался. — Есть! — победно произнесла Леля.

— Леля, кто тебя этому научил? — Шура не верил глазам.

— Сама. В Интернете лайфхак прочитала. Я уже один раз так свою квартиру открыла, когда ключи дома оставила, а дверь захлопнулась. И замок, главное, цел.

— Круто.

— Ладно, давай поторопимся, — и они устремились вперед по садовой дорожке, заросшей с двух сторон кустами шиповника.

Ограда Клавиной дачи открывалась легко. Стоило только оттянуть на себя маленький шпингалет на деревянной дверце.

— Клава! Клава! Ты здесь? — кричали Шура и Леля, перебивая друг друга.

Клава не отвечала. Ее здесь не было. Дом был заперт. На этот раз циркуль не помог открыть его. Старый замок крепко держал оборону. Леля и Шура заглядывали в запыленные окна, никакого движения внутри дома не было.

Садовый участок зарос бурьяном, напоминал дикое поле. А мог бы радовать глаз растущими цветами. Но кто этим будет заниматься?

Шура и Леля сели на деревянное кресло-качель. Когда-то это кресло сделал Шурин дед. Оно было удобным, в нем могло уместиться двое. Кресло-качель сипло поскрипывало. Леля и Шура качались и грызли яблоки. Был урожайный год. Яблоки лежали повсюду, прикрытые прелой багряной листвой. Побитые, местами гнилые, но от этого еще более вкусные и сочные. Так, по крайней мере, казалось Шуру и Леле.

— Что делать, Леля? — спросил Шура.

Он был уверен, что она точно знает ответ.

— Не знаю, Шура, не знаю. Давай подождем немного, может быть, она еще не доехала?

— Столько времени уже прошло. Можно было туда и обратно смотаться.

— Телефона у нее так и нет?

— Нет, — сказал он с досадой, — а если бы и был, она бы не поняла, с кем говорит.

— Мой дед тоже меня не узнал, — Леля грызла яблоко, говорила с набитым ртом, и эти слова казались какими-то легкомысленными, будничными. Она выкинула огрызок в бурьян, прожевала и продолжила: — Позвонила ему недавно. Он в другом городе живет. Это папа моей мамы. Спросила, как у него дела. Как он себя чувствует. Он подумал, что я сотрудник социальной службы. Я говорила ему, что это я — Леля, его внучка. Он меня не слушал, а потом сказал: «Вы моей смерти ждете? Квартиру мою хотите? Так вот, не дождетесь» — и бросил трубку. Больше я ему не звонила. Сказала об этом родителям, они только развели руками. Я все думаю об этом. Так что я тебя понимаю. У деда там есть родственники, они о нем позаботятся.

— Почему ты не говорила мне об этом? — спросил он ее с легкой обидой в голосе.

— А что об этом говорить? У тебя и так своих проблем полно. Вот теперь сказала, и стало легче.

— Надо ехать обратно, Леля. Искать ее, вызывать эту, как ее, «Лелю Алерт».

— «Лизу Алерт», — поправила Леля.

— Ну да, ее.

Связь на Николиной Горе ловило плохо, но сообщение от мамы дошло. Марго писала, что завтра утром будет в Москве.

Спросила Шуру: «Как дела?»

Шура ответил: «Ок».

Они ехали с Лелей обратно в Москву и почти не говорили друг с другом. Хотелось молчать. Шура вертел в голове слово «ОК». Придумывал расшифровку для этих двух букв. Были такие варианты: оставь километры, останови контроль, отпусти, кома.

В автобусе снова было душно, неуютно, тесно. Колени впивались в соседнее кресло. У Шуры закрывались глаза.

Отрасти космы, образ кошмара, отдай Клаву, отстань, кикимора.

Сквозь сон он слышал шепот:

— Не отстану. Не отстану.

Шепот доносился откуда-то из-под кресел. Шура открыл глаза, посмотрел на Лелю. Она спала, прислонившись к стеклу. Кто это шепчет?

— Я — это ты, ты — это я.

Можно ли шепотом напеть мелодию? Шуре показалось, что можно.

Песенка из ниоткуда убаюкала его, и он очнулся только на конечной.

14. Диалог седьмой

— Ты глаза-то будешь свои открывать? Самое интересное пропустишь.

— Боюсь я, боюсь.

— Все страшное уже позади. Открывай. Ну же. Вот, молодец!

— Высоко как.

— Ясен пень. Смотри, военная часть с высоты похожа на букву «Ш».

— Или на «Е».

— Это как посмотреть. Не укачивает тебя?

— Нет.

— Ты руку мою сейчас оторвешь. Вцепилась, больно же. Кольцо твое впилося, смотри, какой след остался. Снимай кольца свои, снимай свои цапки. Не нужны они тебе больше.

— Куда я их?

— Бросай вниз.

— Как это бросай?

— Снимай с пальцев и бросай. Сырым, бедным, убогим колечки твои в радость будут. Продадут — хлебушек с маслом себе купят. Ну же, давай.

— Жалко.

— Жалко у пчелки. Не ожидала я от тебя такой жадности. У тебя их подружки мои речные все равно выклянчат. Уж лучше оставь на земле. Мои перебьются. Они на дне и не такое находят. Страсть любят побрякушки.

— Все, сбросила.

— Смотри, птица летит.

— Какая большая!

— Да. Погляди-ка на нее хорошенько. Что видишь?

— Далеко она. Не видать.

— У тебя и со зрением беда. Смотри, ближе подлетела. Узнаешь?

— Владя. Владлена Семеновна.

— Она, Клавочка, она самая. В птичку обратилась. Не то ворона, не то чайка, что-то с чем-то. А хвостик, хвостик посмотри у нее какой.

— Как у Шакиры. Что она раскричалась?

— Да все одно. Говорит, что тебе со мной лететь не надо. Что карты бедовую дорогу предсказали. Завидует она тебе, Клавочка. Всю жизнь тебе завидовала. И твоей любви необъятной к Шишигину. И тому, что у тебя дочка и внук есть. А у нее никого. Вот она в птичку-чумичку бесприютную и обратилась. У тебя, я вижу, одно колечко осталось на мизинчике. Скрыть от меня хотела?

— Это мне Шишигин подарил. Подарок его первый.

— И последний. Ха-ха-ха.

— Да.

— Брось шишигинское кольцо Владе. Пусть подавится. Не будет больше кричать.

— Не смогу.

— Ну, тогда я сама.

— Ай. Больно. Ты мне палец чуть не сломала.

— Если б и сломала, сросся бы твой палец. Все болячки сентябрьская вода исцелит с головы до пят. Смотри, как она корчится. Проглотила кольцо. Сейчас упадет. Издохнет.

— Она ведь уже умерла. Опять умрет?

— Да. Умирать можно много раз, Клавочка. А вот и дачка твоя. За разговором и не заметили, как долетели. Ушки снова заложит, не пугайся.

— Вот он, мой дом. Вижу его.

— Да, запущено тут у тебя. Уныло. Придать бы это все огню. И бурьян этот, и домик твой покосившийся. Пусть все выгорит. Давай, а?

— Нет, не надо.

— Ты же все равно сюда не едешь.

— Это память.

— О ком?

— О Сене.

— О ком? Что же ты про него вдруг вспомнила? Все гнала его из памяти, гнала, а теперь Сеня, видите ли, у нее.

— Я виновата перед ним.

— Виновата, что не любила? Так это его проблемы, Клавочка. Значит, он не достоин был твоей любви, золотая моя душа.

— Я его обманывала.

— Не обманешь — не проживешь. Ты ведь все аккуратненько делала, не придерешься. Тонкая работа. Жила с нелюбимым, виду не подавала. Лови яблочко. Хруст-хруст. Сочное какое. Может, яблочки-то твои молодильные?

— Обычные. Белые налив.

— Вдруг съем и молодой стану? А? Буду как девчонка. Смотри. Ломаем ветку. Насаживаем яблочко на ее кончик. И запускаем яблоко к соседям. Вжик. Ха-ха.

— Прекрати!

— Смотри, в теплицу попало. Я сейчас в окошко к ним попаду. Спорим?

— Не хочу я с тобой спорить. Прекрати!

— Какая ты скучная! И зачем я с тобой вообще связалась? И что в тебе Шишигин и муж твой нашли?

— Не твое дело.

— Вжик. Попала, попала. Знаешь, а ведь Шишигин только выиграл от того, что тебя бросил, променял на другую. Счастливую с ней жизнь себе справил.

— Ты все врешь. Ты ничего о нем не знаешь.

— А ты знаешь? Узнавала, значит, о нем, справки наводила? Да при живом-то муже. Фу, Клавочка, фу.

— Сеня тогда уже умер.

— Поздно оправдываться. Ну и где он сейчас, где?

— Шишигин, как и я, на пенсии. Живет где-то в Подмосковье. Всю жизнь работал на электромеханическом заводе. Женат был два раза. Детей трое.

— Он ведь о тебе и не вспоминал даже. А ну получай-ка яблочком по своей дурной голове!

— Больно мне! Ай! Ай!

— А мне не больно? Измучила ты меня своим Шишигиным. Вот тебе!

— Ай!

— Яблочко за Сеню.

— Ой!

— За Владю.

— Уй!

— За Маргошу.

— Эй!

— За внука Шурика, за Лелю, за нерожденную Шурку.

— Ай, ай, ай!

— И за меня. За меня. За всех, кому ты жизнь отравила своей больной головой. Когда же ты наконец издохнешь уже? Получай, получай. Ухожу я от тебя, Клавочка. Навсегда ухожу. Хотела я, чтобы ты меня одну любила. Да вижу, нет мне в твоём сердце места. Нет души у тебя больше золотой. Фольга — обертка вместо души, фантик без конфетки.

Забудь обо всем, что было.

Забудь обо всем, что есть.

Забудь обо всем, что будет.

Забудь. Забудь. Забудь.

- Вы кто?
- Не узнаешь?
- Что вам от меня надо?
- Это я, Сеня. Муж твой.
- Ты как здесь оказался?
- Мимо проходил. Увидел.
- Я умерла?
- Нет. Ты между.
- Как это между?
- Ни там ни сям.
- Сеня, прости меня.
- За что?
- За все.
- Все-все. Забыли.
- Нет. Я твои ордена сварила. Я тебя не любила никогда.
- Забыли, говорю.
- Сеня, я больше не могу забывать. Не могу. Не хочу...

- Речка-река. Это я. Клава. Одна я теперь. Нет у меня никого больше.
- Как это нет? А Шурка где, а Марго?
- Они там... А я — тут. Забери меня к себе, исцели.
- Нет... Возвращайся, откуда пришла. Там ждут тебя. Тут тебе не место.
- Хорошо тут у тебя, покойно так. Скоро ледок тебя затянет, еще лучше будет.
- Ты чего вздумала? Утонуть, что ли, хочешь? Мне и без тебя утопленников хватает. Жизнь прожила целую, так уж потерпи чуток. Скоро уже отбудешь.
- Хочешь, платье мое себе возьми. Смотри, какое красивое.
- Да. Сама шила?
- Сама.
- Давай, возьму. Шишиге его отдам. Она любит наряжаться, чтоб добрых молодцев в омут затягивать.
- Так ты примешь меня? Я войду.
- Входи. Сентябрь только на дворе. Околеешь. Ты моржиха, что ли?
- Забери меня к себе, исцели.
- Ну, заладила. Исцели, исцели. Вон ребята уже бегут за тобой. Ребята, заберите ее от меня, надоела она мне, воду только мутит.

15. Речка-река

Марго сдержала свое обещание. Вернулась в срок. Шуре сказала с порога, что уволилась и теперь осядет в Москве, займется семьей — мамой, сыном. В этот раз даже подарки не привезла, да и до них ли теперь?

Поисковый отряд «Лиза Алерт» нашел Клаву в первый же день поиска. Они начали с дачи, потом переместились на ближайшие к ней территории, вышли к реке. Здесь ее и застали. Клава стояла в воде, смотрела стеклянными глазами на горизонт. Ее доставили в больницу, диагностировали двустороннюю пневмонию. Чудом выжила. Спасибо врачам. Ей всегда везло на врачей.

Клаву выписали через полтора месяца. Ослабевшая, немногословная, она вернулась домой. Марго и Шура к тому времени уже обосновались в ее квартире. Свою сдали мо-

лодой семье. На эти деньги, пока Марго не нашла работу, и жили. Клавин конверт не трогали, он так и лежал на черный день.

Шура вернулся к учебе, готовился к ОГЭ. Леля во всем ему помогала. Они вместе делали домашку, вместе носили продукты Клаве в больницу, разговаривали с ней. Каждый раз знакомились заново. Клава принимала Лелю то за медсестру, то за клиентку Зину, один раз даже назвала ее Владей.

Все с этим смирились и каждый раз с улыбкой встречали новые имена. Клава чувствовала себя комфортно, не было прежней агрессии, негатива, злости. Штиль. Покой. Пока было так. А что будет завтра? Никто не мог предугадать.

Шакира привыкла к новому дому, дарила свою любовь и фирменно беспричинно тьякала.

Семья наконец воссоединилась. Для этого потребовались годы.

Клава все больше молчала, сидела в кресле и смотрела телевизор, мало двигалась.

В один из дней она спросила Марго: «Детка, как мне дойти до реки?»

Марго не знала, что ответить. К слову сказать, Клава теперь с большой неохотой принимала водные процедуры. Она была большим, особым ребенком для Шуры и Марго.

Каждый день она спрашивала, как дойти до реки.

Шура придумал выход. На самом деле это ему подсказала Леля. Она это вычитала на сайте какой-то зарубежной клиники. Надо набрать в тазик теплой воды, включить шум моря или расслабляющую музыку, попросить человека закрыть глаза, усадить его поудобнее в кресло, поставить перед ним таз и опустить его руки в теплую воду. Человеку будет казаться, что он находится рядом с водой. Это хорошо снимает стресс.

Шура, Марго и Леля набрали в три таза воды. Сели рядом с Клавой и начали булькать. В какой-то момент увлеклись, заигрались и начали брызгать друг на друга. Клава сидела с закрытыми глазами, капли попадали ей на лицо. Она впервые за долгое время в голос рассмеялась. Вылазки к реке повторялись теперь каждое воскресенье. Все надеялись, что следующим летом они вывезут Клаву на дачу к реке.

Этому не суждено было сбыться. Клава уйдет из жизни девятого мая. Праздник со слезами на глазах. Так и было. Она умрет от обширного инфаркта. Как и ее муж Сеня. Все случится из-за Шишигина. Все в ее жизни было из-за него.

Рано утром раздался звонок.

Марго подошла к телефону, попросили Клаву.

— Дай мне трубку, — спокойно сказала Клава.

Марго с опаской подала ей телефон. Она боялась, что Клава скажет что-то лишнее.

Глаза Клавы перестали быть стеклянными, она была живой, здоровой. Она внимательно слушала, о чем ей говорят на другом конце провода.

Потом отдала трубку Марго и сказала с грустной улыбкой:

— Шишигин умер. Сегодня утром. Звонила его дочь. Сказала, что он, умирая, просил у меня прощения. Дурак. Ну, дурак.

Этим же вечером Клавы не стало. Видимо, поспешила за ним. Хоть там быть вместе с любимым...

16. Диалог восьмой

— Клава, представляешь, он опять нам звонил, просил продать твою квартиру. Сосед снизу хочет сделать пентхаус, предлагал нам с мамой двойную цену. Мы отказались.

Да, я же тебе говорил. Ты опять забыла. Я поступил в колледж на ветеринара. Учусь на втором курсе. Леля? Нет, она осталась в школе. Да, конечно, мы общаемся. Она часто о тебе вспоминает. Сшила себе такое же платье с атласным бантом. Благодарит за идею. Да, да. На выпускном в нем была. Мы танцевали. Я ей тогда все ноги отдал. Не умею я танцевать. Мы с ней кружились, вальсировали. Жаль, что ты не увидела. Ладно, ладно, ну, видела, и хорошо.

Как мама? Да, отлично все. У мамы всегда все ок. Устроилась в какую-то фирму бухгалтером, работает теперь в основном из дома. Меня даже чуть-чуть напрягает, что она все время рядом. Мы как будто заново друг друга узнаем. Это странно, но интересно.

Что? Тебе не нравится? Эта стрижка сейчас в моде. Да, шучу я. Да, надо бы подстричься. Но знаешь, чем мне еще нравится колледж? Там никто не докапывается к внешнему виду.

Все, прекрати. Ну, зачем ты уронила книжку? Чем она провинилась перед тобой? «Идиот» Достоевского. Ну, спасибо, Клава. Это намек? Принято. Хорошо, прочту, в следующий раз отчитаюсь.

Ухожу, ухожу, отдыхай. Я сейчас к Леле, договорились встретиться. Подстригусь, не волнуйся. Только ради тебя. Пока. И еще раз с юбилеем. До встречи.

Время здесь течет медленно, по капле. Трубы в ванной скулят жалобно и сиротливо, навивают тоску. Шура заглядывает под ванну и достает оттуда мешочек с орденами деда. Так и лежат. Забыли о них. Надо бы переложить.

— Не трожь, Шура. Оставь и уходи, Шура, — раздаётся шепот из-под ванны. — Это мои цацки, мои побрякушки, — и поет:

Я — это ты.
Ты — это я.
И никого
не надо
нам...

Можно ли шепотом напеть мелодию? Шура кажется, что можно...